

РОДНЫЕ ПОЭТЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

69

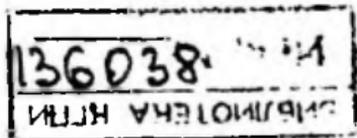
РОДНЫЕ ПОЭТЫ

ЖК

СТИХОТВОРЕНИЯ
РУССКИХ
ПОЭТОВ-КЛАССИКОВ
XIX И НАЧАЛА XX ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"
МОСКВА - 1969

P1
P60

Издание третье

Составление сборника
и биографические справки
Н. С. ШЕР

Оформление *Д. Бродской*
Портреты *В. Панова*

7-6-2

К читателям

В книге «Родные поэты» вы прочтёте стихи лучших русских поэтов-классиков. Они написаны в прошлом, девятнадцатом, и в самом начале двадцатого века.

Перед стихами каждого поэта — коротенькая справка о нём. Вам будет интересно узнать о жизни человека, который написал то или другое стихотворение.

В книге много разных стихов — о родине, о жизни людей, о родной природе. Хотелось бы, чтобы, читая эти стихи, вы почувствовали, как горячо любили русские поэты свою родину, какие прекрасные посвящали ей стихи.

Конечно, здесь напечатаны не все произведения, написанные этими поэтами, а только те, которые будут понятны вам. Пройдёт несколько лет, вы станете взрослее и тогда узнаете и другие их произведения.

Не обязательно читать всю эту книгу подряд. Пусть стоит она на вашей книжной полке где-нибудь поближе: захочется почитать стихи — откройте книгу, и каждый раз вам будет радостно узнать какое-нибудь новое стихотворение, перечитать какое-нибудь особенно любимое, иногда задуматься над отдельной, поразившей вас строчкой стиха.

1783—1852

Василий Андреевич Жуковский

Василий Андреевич Жуковский родился и вырос в селе Мишенском, недалеко от города Тулы, в имени своего отца. Когда ему пошёл четырнадцатый год, его отвезли в Москву и отдали в Благородный пансион при Московском университете. Там он жил и учился около трёх лет. Учился он хорошо, много читал, изучал русскую и иностранную литературу. Имя Жуковского, «лучшего из лучших» учеников, было написано золотыми буквами на мраморной доске в зале пансиона.

Вернувшись домой, Жуковский продолжал заниматься литературой, писал стихи. Ему было восемнадцать лет, когда впервые напечатали его стихотворение «Сельское кладбище». С этого времени в печати стали часто появляться его стихи.

Наступил 1812 год. «В это время всякому должно быть военным», — решил Жуковский и ушёл в ополчение. В августе он был под Бородином, а через несколько месяцев вся Россия с восторгом читала его стихотворение о героях Бородинской битвы — «Певец во стане русских воинов». В этом стихотворении Жуковский выразил самые душевные чувства русских людей, которые во время войны отдавали свою жизнь за родину, защищая её от врага.

«Певец во стане русских воинов» — большое стихотворение; мы даём из него только отрывок, в котором Жуковский говорит о том, как дорогá и близка каждому человеку его отчизна.

Жуковский много писал о родине, о русской природе. «О родина, все дни твои прекрасны», — говорил он и так поэтически, так просто, как никто до него, описал и летний вечер в деревне, и пенне жаворонка в небе, и приход весны...

Его стихов пленительная сладость
Пройдёт веков завистливую даль...—

говорил о его стихах Пушкин.

Написал Жуковский и несколько сказок в стихах; вы, конечно, знаете их: «Иван-царевич и серый волк», «Спящая царевна», «Кот в сапогах».

Жуковский очень много переводил, и по его прекрасным переводам в России впервые познакомились со многими произведениями иностранной литературы. В этой книге вы прочтёте в его переводах балладу немецкого поэта Гёте «Лесной царь» и стихотворение другого немецкого поэта, Шиллера, «Перчатка».

Жуковский был самым знаменитым поэтом России того времени. Молодые поэты учились у него писать стихи, подражали ему. Учился у него и Пушкин. Заботливо, бережно относился к нему Жуковский; он следил за успехами молодого Пушкина, радовался его славе. «Нам всем надобно соединиться, чтобы помочь вырасти этому будущему гиганту, который всех нас перерастёт», — говорил он.

Когда была напечатана поэма «Руслан и Людмила», Жуковский подарил Пушкину свой портрет с надписью: «Победителю-ученику от побеждённого учителя». Жуковский с радостью уступил первое место в русской литературе Пушкину.

* *
*

Отчизне кубок сей, друзья!
Страна, где мы впервые
Вкусили сладость бытия,
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свет,
Знакомые потоки,
Златые игры первых лет
И первых лет уроки,
Что вашу прелесть заменит?
О родина святая,
Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя?

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Знать, солнышко утомлено:
За горы прячется оно;
Луч погашает за лучом
И, алым тонким облачком
Задёрнув лик усталый свой,
Уйти готово на покой.

Пора ему и отдохнуть;
Мы знаем, летний долог путь.
Везде ж работа: на горах,
В долинах, в рощах и лугах;
Того согрей; тем свету дай
И всех притом благословляй.

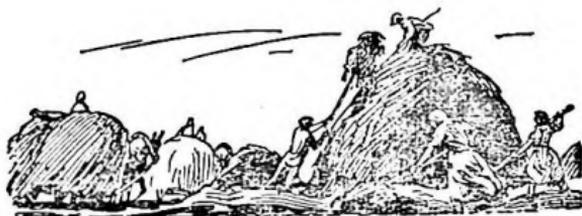
Буди заснувшие цветы
И им расписывай листы;
Потом медвяною росой
Пчелу-работницу напой
И чистых капель меж листов
Оставь про резвых мотыльков.

Зерну скорлупку расколи
И молодую из земли
Былинку выведи на свет;
Пичужкам приготовь обед,
Тех приюти между ветвей;
А тех на гнездышке согрей.

И вишням дай румяный цвет;
Не позабудь горячий свет
Рассыпать на зелёный сад,
И золотистый виноград
От зноя листьями прикрыть,
И колос зрелостью налить.

А если жар для стад жесток,
Смани их к роще в холодок;
И тучку тёмную скопи,
И травку влагой окропи,
И яркой радугой с небес
Сойди на тёмный луг и лес.

А где под острою косою
Трава ложится полосой,
Туда безоблачно сияй
И сено в колны собирай,
Чтоб к ночи луг от них пестрел
И с ними ряд возов скрипел.

Итак, совсем не мудрено,
Что разгорелось оно,
Что отдыхает на горах
В полупотухнувших лучах
И нам, сходя за небосклон,
В прохладе шепчет: «добрый сон».

И вот сошло, и свет потух;
Один на башне лишь петух
За ним глядит, сияя, вслед...
Гляди, гляди! в том пользы нет!
Сейчас оно перед тобой
Задёрнет алый завес свой.

Есть и про солнышко беда:
Нет ладу с сыном никогда.
Оно лишь только в глубину,
А он как раз на вышину;

Того и жди, что заблестит;
Давно за горкой он сидит.

Но что ж так медлит он вставать?
Всё хочет солнце переждать.
Вставай, вставай, уже давно
Заснуло в сумерках оно.
И вот он всходит; в дол глядит
И бледно зелень серебрит.

И ночь уж на небо взошла
И тихо на небе зажгла
Гостеприимные огни;
И всё замолкнуло в тени;
И по долинам, по горам
Всё спит... Пора ко сну и нам.

12

ЖАВОРОНОК

На солнце тёмный лес зардел,
В долине пар белеет тонкий,
И песню раннюю запел
В лазури жаворонок звонкий.

Он голосисто с вышины
Поёт, на солнышке сверкая:
Весна пришла к нам молодая,
Я здесь пою приход весны...

ЛЕСНОЙ ЦАРЬ

Кто скачет, кто мчится под хладною мглой?

Ездок запоздалый, с ним сын молодой.

К отцу, весь издрогнув, малютка приник;

Обняв, его держит и греет старик.

— Дитя, что ко мне ты так робко прильнул?

— Родимый, лесной царь в глаза мне сверкнул;

Он в тёмной короне, с густой бородой.

— О нет, то белеет туман над водой.

«Дитя, оглянися; младенец, ко мне;
Весёлого много в моей стороне:
Цветы бирюзовы, жемчужны струи;
Из золота слиты чертоги¹ мои».

— Родимый, лесной царь со мной говорит:
Он золото, перлы² и радость сулит.
— О нет, мой младенец, ослышался ты:
То ветер, проснувшись, колыхнул листы.

«Ко мне, мой младенец; в дуброве моей
Узнаешь прекрасных моих дочерей:
При месяце будут играть и летать,
Играя, летая, тебя усыплять».

— Родимый, лесной царь созвал дочерей:
Мне, вижу, кивают из тёмных ветвей.
— О нет, всё спокойно в ночной глубине:
То вётлы седые стоят в стороне.

«Дитя, я пленился твоей красотой:
Неволей иль волей, а будешь ты мой».
— Родимый, лесной царь нас хочет догнать;
Уж вот он: мне душно, мне тяжело дышать.

Ездок оробелый не скачет, летит;
Младенец тоскует, младенец кричит;
Ездок погоняет, ездок доскакал...
В руках его мёртвый младенец лежал.

¹ Чертог — дворец.

² Перлы, перл — жемчуг.

ПЕРЧАТКА

Перед своим зверинцем,
С баронами, с наследным принцем,
Король Франциск сидел;
С высокого балкона он глядел
На поприще, сраженья ожидая;
За королём, обворожая
Цветущей прелестию взгляд,
Придворных дам являлся пышный ряд.

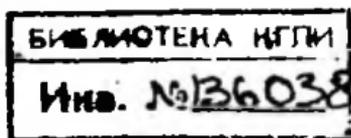
Король дал знак рукою —
Со стуком растворилась дверь,
И грозный зверь
С огромной головою,
Косматый лев
Выходит;
Кругом глаза угрюмо водит;
И вот, всё оглядев,
Наморщил лоб с осанкой горделивой,
Пошевелил густою гривой,
И потянулся, и зевнул,

И лёг. Король опять рукой махнул —
Затвор железной двери грянул,
И смелый тигр из-за решётки прынул;
Но видит льва, робеет и ревёт,
Себя хвостом по рёбрам бьёт,
И крадется, косяся взглядом,
И лижет морду языком,
И, обошедши льва кругом,
Рычит и с ним ложится рядом.
И в третий раз король махнул рукой —
Два барса дружною четой
В один прыжок над тигром очутились;
Но он удар им тяжкой лапой дал,
А лев с рыканьем встал...
Они смирились,
Оскалив зубы, отошли,
И зарычали, и легли.

И гости ждут, чтоб битва началась.
Вдруг женская с балкона сорвалась
Перчатка... все глядят за ней...
Она упала меж зверей.
Тогда на рыцаря Делоржа с лицемерной
И колкою улыбкою глядит
Его красавица и говорит:
«Когда меня, мой рыцарь верный,
Ты любишь так, как говоришь,
Ты мне перчатку возвратишь».

Делорж, не отвечав ни слова,
К зверям идёт,
Перчатку смело он берёт
И возвращается к собранью снова.

У рыцарей и дам при дерзости такой
От страха сердце помутилось;
А витязь молодой,
Как будто ничего с ним не случилось,
Спокойно всходит на балкон;
Рукоплесканьем встречен он;
Его приветствуют красавицы взгляды...
Но, холодно приняв привет её очей,
В лицо перчатку ей
Он бросил и сказал: «Не требую награды».

1795—1826

4. 20. 1826
1826
1826

Кондратий Фёдорович Рылеев

Ревела буря, дождь шумел;
Во мраке молнии летали;
Бесперерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали...—

так начинается стихотворение «Смерть Ермака», которое написал поэт Кондратий Фёдорович Рылеев. Очень скоро стихотворение было положено на музыку и вольной песней разошлось по всей стране. Поют эту песню и до сих пор.

В стихотворении «Смерть Ермака», как и во многих других «думах» (так называл Рылеев свои стихотворения об исторических событиях), он говорил о героическом прошлом русской земли. Рылеев хотел, чтобы все русские люди знали о своих героях, гордились их подвигами, больше любили своё отечество. Он рассказывал об Олеге Вещем, о Дмитрии Донском, об Иване Сусанине. Много, много лет назад, когда на Руси шла война, Сусанин завёл врагов в лес, далеко от дороги. Враги догадались, что Сусанин обманул их.

«Злодей! — закричали враги закипев: —
Умрёшь под мечами!» — «Не страшен ваш гнев!
Кто русский по сердцу, тот бодро, и смело,
И радостно гибнет за правое дело!» —

отвечал, умирая, Иван Сусанин.

За правое дело, за счастье и свободу своей родины погиб и Рылеев. Он был не только поэтом — он был руководителем революционного тайного Северного общества.

14 декабря 1825 года, когда на Сенатскую площадь в Петербурге вышли революционные войска, во главе восставших были Рылеев и его друзья. Это были первые русские революционеры — декабристы, которые с оружием в руках восстали против царского правительства.

Восстание было подавлено. Рылеева арестовали и заключили в крепость. Его обвиняли в том, что он «помышлял на царубийство», сочинял и распространял «возмутительные», то есть революционные, возмущавшие народ против царя, стихи. В тюрьме Рылеев просидел почти семь месяцев.

Тюрьма мне в честь, не в укоризну,
За дело правое я в ней,
И мне ль стыдиться сих цепей,
Когда ношу их за отчизну? —

писал он в заточении.

13 июля 1826 года Рылеев был казнён. На казнь он шёл спокойно. «Положите мне руку на сердце,— сказал он,— и посмотрите, бьётся ли оно сильнее».

Так мужественно погиб за свободу родины «великий гражданин» и поэт Рылеев.

СМЕРТЬ ЕРМАКА

Ревела буря, дождь шумел;
Во мраке молнии летали;
Бесперерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали...
Ко славе страстию дыша,
В стране суровой и угрюмой,
На диком бреге Иртыша
Сидел Ермак, объятый думой.

Товарищи его трудов,
Побед и громозвучной славы,
Среди раскинутых шатров
Беспечно спали близ дубравы.
«О, спите, спите,— мнил¹ герой,—
Друзья, под бурей ревущей;

¹ Мнил — думал.

С рассветом глас раздастся мой,
На славу иль на смерть зовущий!

Вам нужен отдых; сладкий сон
И в бурю храбрых успокоит;
В мечтах напомним славу он
И силы ратников¹ удвоит.
Кто жизни не щадил своей
В разбоях, злато добывая,
Тот думать будет ли о ней,
За Русь святую погибая?

Своей и вражьей кровью смыв
Все преступленья буйной жизни
И за победы заслужив
Благословения отчизны, —
Нам смерть не может быть страшна;
Своё мы дело совершили:
Сибирь царю покорена,
И мы — не праздно в мире жили!»

Но роковой его удел²
Уже сидел с героем рядом
И с сожалением глядел
На жертву любопытным взглядом.
Ревела буря, дождь шумел;
Во мраке молнии летали;
Бесперерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали.

¹ Ратник — воин, рать — войско.

² Роковой удел — судьба. Здесь: судьба Ермака — смерть — как бы уже поджидала его.

Иртыш кипел в крутых берегах,
Вздымались седые волны,
И рассыпались с рёвом в прах,
Бия о брег, казачьи чёлны.
С вождём покой в объятьях сна
Дружина храбрая вкушала;
С Кучумом буря лишь одна
На их погибель не дремала!

Страшась вступить с героем в бой,
Кучум к шатрам, как тать¹ презренный,
Прокрался тайною тропой,
Татар толпами окружённый.
Мечи сверкнули в их руках —
И окровавилась долина,
И пала грозная в боях,
Не обнажив мечей, дружина...

Ермак воспрянул ото сна
И, гибель зря², стремится в волны,
Душа отвагою полна,
Но далеко от берега чёлны!
Иртыш волнуется сильней —
Ермак все силы напрягает
И мощною рукой своей
Валы седые рассекает...

Плывёт... уж близко челнока —
Но сила року уступила,
И, закипев страшной, река
Героя с шумом поглотила.

¹ Т а т ь — вор.

² З р я — видя; з р е т ь — видеть.

Лишивши сил богатыря
Бороться с ярою волною,
Тяжёлый панцирь — дар царя
Стал гибели его виною.

Ревела буря... вдруг луной
Иртыш кипящий осребрился,
И труп, извергнутый волной,
В бронё медяной озарился.
Носились тучи, дождь шумел,
И молнии ещё сверкали,
И гром вдали ещё гремел,
И ветры в дебрях бушевали.

J.B.

1799—1837

J.B.

Александр Сергеевич Пушкин

Александр Сергеевич Пушкин родился в Москве. Он рос вместе со старшей сестрой Ольгой и младшим братом Лёвушкой. За детьми ходила крепостная няня Арина Родионова, которую Пушкин очень любил. Она была добрая, ласковая; укладывая детей спать, всегда рассказывала сказки. Когда Пушкин стал постарше, няню сменили французские гувернёры и гувернантки.

К семи годам он уже хорошо говорил, читал и писал по-французски и даже сам сочинял небольшие пьесы на французском языке.

Как-то лёг спать и долго не засыпал.

«Что ты, Саша, не спишь?» — спросили его.

А он ответил:

«Сочиняю стихи».

У отца была большая библиотека французской литературы. Пушкин потихоньку забирался в библиотеку и читал всё, что попадалось под руку. А русской грамоте учился он у бабушки.

Отец Пушкина, человек образованный, был знаком со многими русскими писателями, которые часто бывали у него в доме, говорили о литературе, читали свои сочинения. А маленький Пушкин смиренно сидел тогда где-нибудь в уголке и внимательно слушал.

Однадцати лет Пушкина увезли в Петербург и отдали в новос, только что открытое учебное заведение — Лицей, который находился недалеко от Петербурга, в Царском Селе.

19 октября 1811 года состоялось торжественное открытие Лицея. В актовом зале у стола, покрытого красным сукном с золотой бахромой, стояли первые воспитанники Лицея — тридцать мальчиков в одинаковых синих мундирчиках, в белых брюках в обтяжку, в высоких сапожках; тут же были преподаватели Лицея, гости. Говорили речи; потом мальчиков вызывали по списку, знакомились с ними. Среди них был и Пушкин — живой, курчавый, быстроглазый.

Пушкин полюбил Лицей, подружился с товарищами, нашёл там друзей на всю жизнь — Пущина, Дельвига, Кюхельбекера. В Лицее воспитанники много читали, издавали рукописные журналы, пробовали и сами писать.

У Пушкина, как говорили о нём преподаватели, была особая страсть к поэзии; он, казалось, и думал стихами. Начнёт писать стихи, уйдёт куда-нибудь подальше от товарищей, насулит брови, надует губы, грызёт перо, и лицо его то хмурится, то проясняется улыбкой. Товарищи знали, что в это время лучше его не трогать — вспылчив он был ужасно. А кончит писать — примется бегать, прыгать через стулья. Случалось ему часто и обижать своих друзей — был он очень насмешлив и остёр на язык. Но товарищем всегда был хорошим, верным — поймёт, что обидел, и станет просить прощения.

Однажды в Лицей на экзамен приехал известный поэт Державин.

Державин был уже очень стар, и экзамен его утомил. Но вот вызвали Пушкина.

«Я прочёл мой «Воспоминания в Царском Селе», стоя в двух шагах от Державина, — писал позднее Пушкин. — Я не в силах описать состояние души моей: когда дошёл я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отроческий зазвенел, а сердце забилося с упонительным восторгом... Не помню, как я кончил своё чтение, не помню, куда убежал. Державин был в восхищении, он меня требовал, хотел меня обнять... Меня искали, но не нашли».

В 1817 году Пушкин кончил Лицей. Он поселился в Петербурге, куда к этому времени переехали его родители. Как и все лучшие русские люди того времени, Пушкин хотел, чтобы в России не было крепостного права, и верил, что придёт вре-

мя, когда народ восстанет против царя. Об этом он писал в своих стихах. Понятно, что такие стихи не разрешали печатать. Но они становились известны друзьям поэта, их переписывали, и стихи быстро расходились по всей стране. Рукописные сборники стихов Пушкина можно было найти в самых глухих углах России.

«Пушкина надобно сослать в Сибирь; он наводнил Россию возмутительными стихами; вся молодёжь наизусть их читает», — сказал царь Александр I. И Пушкин был выслан, но не в Сибирь, а на юг России, а потом в село Михайловское, небольшое имение матери в Псковской губернии, где прожил два года. Долгие зимние вечера проводил он вдвоём со своей старой няней Ариной Родионовной и, как в детстве, снова слушал её сказки. Ей посвятил он стихи: «Няне», «Зимний вечер».

14 декабря 1825 года в Петербурге произошло восстание декабристов. Среди восставших было много друзей Пушкина.

Узнав о восстании, а потом о казни и ссылке друзей, Пушкин был потрясён. Он мучился тем, что не мог разделить с друзьями их участь — ведь никуда из Михайловского он не смел уезжать, за ним строго следили.

Осенью 1826 года Пушкину разрешили вернуться из ссылки. Он жил в Москве, в Петербурге, иногда уезжал в деревню, ездил по России и, как всегда, очень много работал. Но жить ему становилось всё труднее — царское правительство продолжало преследовать его.

27 января 1837 года Пушкин был тяжело ранен на дуэли. Через два дня он умер. Его убил французский офицер, барон Дантес. Он оскорбил Пушкина, и Пушкин вынужден был вызвать его на дуэль. «Я принадлежу стране и хочу, чтобы имя моё было незапятнанным везде, где оно известно», — говорил Пушкин незадолго до смерти.

О дуэли знали царские жандармы, они могли не допустить её, но этого не сделали, так как были уверены, что убийство Пушкина угодно царю.

День смерти Пушкина был днём великого народного горя. «Солнце нашей поэзии закатилось! Пушкин скончался, скончался во цвете лет, в середине своего великого поприща... Пушкин! Наш поэт! Наша радость, наша народная слава!..»

За это объявление в газете редактор получил выговор: о смерти Пушкина царь приказал молчать.

3 февраля в полночь гроб с телом Пушкина, тайком от народа, под конвоем жандарма увезли из Петербурга в Михайловское и похоронили на кладбище Святогорского монастыря.

Великий русский поэт Пушкин, которого знает и любит весь мир, прожил всего тридцать семь лет. Но он шёл «шагами великана», как говорил о нём поэт-декабрист Рылеев. Пушкин оставил нам больше тысячи стихотворений, поэмы, сказки, драмы, повести, рассказы, статьи; и что бы он ни писал — прозу или стихи,— это всегда было прекрасно.

С самого раннего детства читаете вы его сказки: «О царе Салтане», «О мёртвой царевне», «О рыбаке и рыбке». В этой книге вы прочтёте стихотворения: «Узник», «Анчар», «Конь», отрывок из поэмы Полтава — «Полтавский бой» — о блестящей победе русских воинов, замечательное послание сосланным на каторгу друзьям-декабристам — «В Сибирь» и другие стихи.

С каждым годом вы всё больше и больше будете узнавать и любить Пушкина, по-новому, по-взрослому, поймёте многие его произведения и научитесь, как сказал друг его Пушкин, «отыскивать его, живого, в бессмертных его творениях».

* *
*

У лукоморья¹ дуб зелёный;
Златая цепь на дубе том:
И днём и ночью кот учёный
Всё ходит по цепи кругом;
Идёт направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит.

Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей;

¹ Лукоморье — морской залив, бухта.

Там лес и дол видений полны;
Там о заре прихлынут волны
На брег песчаный и пустой,
И тридцать витязей¹ прекрасных
Чредой² из вод выходят ясных,
И с ними дядька их морской;
Там королевич мимоходом
Пленяет³ грозного царя;
Там в облаках перед народом
Через леса, через моря
Колдун несёт богатыря;
В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит;
Там ступа с Бабою Ягой
Идёт, бредёт сама собой;
Там царь Кащей над златом чахнет;
Там русский дух... там Русью пахнет!
И там я был, и мёд я пил;
У моря видел дуб зелёный;
Под ним сидел, и кот учёный
Свои мне сказки говорил...

¹ В и тязь — г Древей Руси отважный, доблестный воин.

² Чредой — один за другим, по очереди.

³ Пленяет — здесь: берёт в плен.

ПЕСНЬ О ВЕЩЕМ ОЛЕГЕ

Как ныне собирается вещей Олег¹
Отмстить неразумным хозарам,
Их сёла и нивы за буйный набег
Обрѣк он мечам и пожарам;
С дружиной своей, в цареградской броне²,
Князь по полю едет на верном коне.

Из тёмного леса навстречу ему
Идёт вдохновенный кудесник³,
Покорный Перуну⁴ старик одному,
Заветов грядущего вестник,
В мольбах и гаданьях проведший весь век.
И к мудрому старцу подъехал Олег.

«Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?
И скоро ль, на радость соседей-врагов,
Могильной засыплюсь землёю?
Открой мне всю правду, не бойся меня:
В награду любого возьмёшь ты коня».

«Волхвы не боятся могучих владык,
А княжеский дар им не нужен;

¹ Олег — один из первых русских князей, правил в Киеве в X веке. По преданию, был он мудрым (вещим) и храбрым; победил хозар — враждебный Руси кочевой народ.

² В цареградской броне — в броне, сделанной в Царьграде (современный Константинополь). Броня — одежда из металлических пластин или колец для защиты воина от стрел, ударов копьё, меча.

³ Кудесник, или волхв, — так назывались у древних славян колдуны, волшебники, предсказатели будущего.

⁴ Перун — бог грома и молнии у древних славян.

Правдив и свободен их вещей язык
И с волей небесною дружен.
Грядущие годы таятся во мгле;
Но вижу твой жребий на светлом челе.

Запомни же ныне ты слово моё:
Воителю слава — отрада;
Победой прославлено имя твоё;
Твой щит на вратах Цареграда¹;
И волны и суша покорны тебе;
Завидует недруг столь дивной судьбе.

И синего моря обманчивый вал
В часы роковой непогоды,
И пращ², и стрела, и лукавый кинжал
Щадят победителя годы...
Под грозной бронёй ты не ведаешь ран;
Незримый хранитель могущему дан.

Твой конь не боится опасных трудов;
Он, чуя господскую волю,
То смиренный стоит под стрелами врагов,
То мчится по бранному полю.
И холод и сеча³ ему ничего...
Но примешь ты смерть от коня своего».

Олег усмехнулся — однако чело
И взор омрачились думой.

¹ Твой щит на вратах Цареграда.— По преданию, Олег, покорив столицу греческого царства — Царьград, в знак победы прибил свой щит на воротах города.

² Пращ, или пращâ,— древнее оружие для метания камней.

³ Сеча — битва, сражение.

В молчанье, рукой опершись на седло,
С коня он слезает угрюмый;
И верного друга прощальной рукой
И гладит и треплет по шее крутой.

«Прощай, мой товарищ, мой верный слуга,
Расстаться настало нам время.

Теперь отдыхай! уж не ступит нога
В твоё позлащённое стремя.
Прощай, утешайся — да помни меня.
Вы, отроки-друзи, возьмите коня,

Покройте попоной, мохнатым ковром,
В мой луг под уздцы отведите;
Купайте; кормите отборным зерном;
Водой ключевую поите».
И отроки тотчас с конём отошли,
А князю другого коня подвели.

Пирует с дружиною вещей Олег
При звоне весёлом стакана.
И кудри их белы, как утренний снег
Над славной главою кургана...¹
Они поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они...

«А где мой товарищ? — промолвил Олег. —
Скажите, где конь мой ретивый?
Здоров ли? Всё так же ль лёгок его бег?
Всё тот же ль он бурный, игривый?»
И внемлет ответу²: на холме крутом
Давно уж почил непробудным он сном.

Могучий Олег головою поник
И думает: «Что же гаданье?
Кудесник, ты лживый, безумный старик!
Презреть бы твоё предсказанье!

¹ Кургáн — высокий холм земли, который насыпали древние славяне над могилами своих воинов.

² И внемлет ответу — и слышит ответ.

Мой конь и доньне носил бы меня».
И хочет увидеть он кости коня.

Вот едет могучий Олег со двора,
С ним Игорь и старые гости,
И видят — на хълме, у брега Днепра,
Лежат благородные кости;
Их моют дожди, засыпает их пыль,
И ветер волнует над ними ковыль.

Князь тихо на череп коня наступил
И молвил: «Спи, друг одинокий!
Твой старый хозяин тебя пережил:
На тризне¹, уже недалёкой,
Не ты под секирой² ковыль обagriшь
И жаркою кровью мой прах напоишь!

Так вот где таилась погибель моя!
Мне смертью кость угрожала!»
Из мёртвой главы гробовая змея
Шипя между тем выползала;
Как чёрная лента, вокруг ног обвилась,
И вскрикнул внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые, запенясь, шипят
На тризне плачевной Олега;
Князь Игорь и Ольга на хълме сидят;
Дружина пирует у брега;
Бойцы поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

¹ Т р и з н а — обряд похорон у древних славян; на тризне убивали любимого коня умершего.

² С е к и р а — топор.

Н Я Н Е

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждёшь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.
Глядишь в забытые ворота
На чёрный отдалённый путь:
Тоска, предчувствия, заботы
Теснят твою всечасно грудь.

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалой
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

Наша ветхая лачужка
И печальна, и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?

Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.
Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.
Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.

УЗНИК

Сижу за решёткой в темнице сырой.
Вскормлённый в неволе орёл молодой,
Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюёт под окном,

Клюёт, и бросает, и смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно;

Зовёт меня взглядом и криком своим
И вымолвить хочет: «Давай улетим!

Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер... да я!..»

ЗИМНЯЯ ДОРОГА

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льёт печальный свет она.

По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.

Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

Ни огня, ни чёрной хаты,
Глушь и снег... Навстречу мне
Только вёрсты полосаты¹
Попадают одна...

¹ Вёрсты полосаты.— В старину вдоль проезжих дорог для измерения расстояния ставили столбы — вёрсты, окрашенные белыми и чёрными полосами.

ЗИМНЕЕ УТРО

Мороз и солнце, день чудесный!
Ещё ты дремлешь, друг прелестный,—
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой¹ взоры
Навстречу северной Авроры²,
Звездою севера явись!

Вечёр³, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела —
А нынче... погляди в окно:

¹ Не́гой, не́га — здесь: приятная дремота.

² Аврора — здесь: утренняя звезда.

³ Вечёр — вчера вечером.

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Весёлым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

* *
*

Ещё дуют холодные ветры
И наносят утренни морозы.
Только что на проталинах весенних
Показались ранние цветочки,
Как из чудного царства воскового,
Из душистой келейки медовой
Вылетала первая пчёлка,
Полетела по ранним цветочкам
О красной весне поразведать:

Скоро ль будет гостя дорогая,
Скоро ли луга позеленеют,
Скоро ль у кудрявой у берёзы
Распустятся клейкие листочки,
Зацветёт черёмуха душиста.

ТУЧА

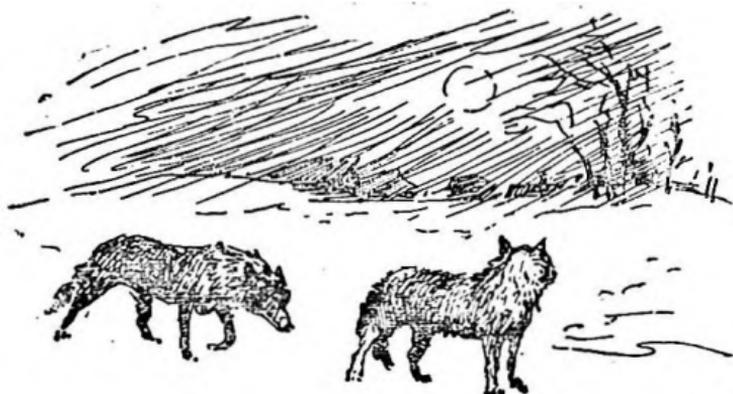
Последняя туча рассеянной бури!
Одна ты несёшься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тень,
Одна ты печалишь ликующий день.

Ты небо недавно кругом облежала,
И молния грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный гром
И алчную¹ землю поила дождём.

Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освежилась, и буря промчалась!
И ветер, лаская листочки древес,
Тебя с успокоенных гонит небес.

¹ Алчная — жаждущая воды, влаги.

* *
*

Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало,
Короче становился день,
Лесов таинственная сень
С печальным шумом обнажалась,
Ложился на поля туман,
Гусей крикливых караван
Тянулся к югу: приближалась
Довольно скучная пора;
Стоял ноябрь уж у двора.

* *
*

Встаёт заря во мгле холодной;
На нивах шум работ умолк;
С своей волчихою голодной
Выходит на дорогу волк;

Его почуя, конь дорожный
Храпит — и путник осторожный
Несётся в гору во весь дух;
На утренней заре пастух
Не гонит уж коров из хлева,
И в час полуденный в кружок
Их не зовёт его рожок;
В избушке, распевая, дева
Прядёт, и, зимних друг ночей,
Трещит лучинка перед ней.

* *
*

В тот год осенняя погода
Стояла долго на дворе,
Зимы ждала, ждала природа.
Снег выпал только в январе
На третье в ночь. Проснувшись рано,
В окно увидела Татьяна
Поутру побелевший двор,
Куртины¹, кровли и забор,
На стёклах лёгкие узоры,
Деревья в зимнем серебре,
Сорók весёлых на дворе
И мягко устланные горы
Зимы блистательным ковром.
Всё ярко, всё бело кругом.

¹ Куртины — цветочные грядки, клумбы.

* *
*

Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетётся рысью как-нибудь;
Бразды пушистые взрывая,
Летит кибитка удалая;
Ямщик сидит на облучке,
В тулупе, в красном кушаке.
Вот бегают дворовый мальчик,
В салазки *жулку* посадив,
Себя в коня преобразив;
Шалун уж заморозил пальчик:
Ему и больно и смешно,
А мать грозит ему в окно...

* *
*

Гонимы вешними лучами,
С окрестных гор уже снега
Сбежали мутными ручьями
На потоплённые луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сон встречает утро года;
Синея, блещут небеса.
Ещё прозрачные, леса
Как будто пухом зеленеют.
Пчела за данью полевой
Летит из кельи восковой.
Долины сохнут и пестреют;
Стада шумят, и соловей
Уж пел в безмолвии ночей.

ВУРДАЛАК¹

Трусоват был Ваня бедный:
Раз он позднею порой,
Весь в поту, от страха бледный,
Через кладбище шёл домой.

Бедный Ваня еле дышит,
Спотыкаясь, чуть бредёт
По могилам; вдруг он слышит —
Кто-то кость, ворча, грызёт.

Ваня стал, — шагнуть не может.
Боже! думает бедняк,
Это, верно, кости гложет
Красногубый вурдалак.

Горе! малый я не сильный;
Съест упырь меня совсем,
Если сам земли могильной
Я с молитвою не съем.

Что же? вместо вурдалака
(Вы представьте Вани злость!)
В темноте пред ним собака
На могиле гложет кость.

¹ Вурдалак, или упырь, — по старинным поверьям, мертвец, который встаёт по ночам из могил и сосёт кровь живых людей.

К О Н Ъ

«Что ты ржёшь, мой конь ретивый,
Что ты шею опустил,
Не потряхиваешь гривой,
Не грызёшь своих удиц?
Али я тебя не холю?
Али ешь овса не вволю?
Али сбруя не красна?
Аль поводья не шелковы,
Не серебряны подковы,
Не злачёны стремяна?»

Отвечает конь печальный:
«Оттого я присмирел,
Что я слышу топот дальный,
Трубный звук и пенье стрел;
Оттого я ржу, что в поле
Уж не долго мне гулять,
Проживать в красе и в холе,
Светлой сбруей шеголять,
Что уж скоро враг суровый
Сбрую всю мою возьмёт
И серебряны подковы
С лёгких ног моих сдерёт;
Оттого мой дух и ноет,
Что наместо чапрака¹
Кожей он твоей покроет
Мне вспотевшие бока».

¹ Чапра́к, или че́прак,— подстилка под седло.

АНЧАР¹

В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскалённой,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит — один во всей вселенной.

Природа жаждущих степей
Его в день гнева породила
И зелень мёртвую ветвей
И корни ядом напоила.

¹ Древо яда. (Примеч. Пушкина.)

Яд каплет сквозь его кору,
К полудню растопясь от зною,
И застывает ввечеру
Густой прозрачною смолою.

К нему и птица не летит
И тигр нейдёт — лишь вихорь чёрный
На древо смерти набежит
И мчится прочь, уже тлетворный¹.

И если туча оросит,
Блуждая, лист его дремучий,
С его ветвей уж ядовит
Стекает дождь в песок горячий.

Но человека человек
Послал к анчару властным взглядом,
И тот послушно в путь потек
И к утру возвратился с ядом.

Принёс он смертную смолу
Да ветвь с увядшими листьями,
И пот по бледному челу
Струился холодными ручьями;

Принёс — и ослабел и лёг
Под сводом шалаша на лыки,
И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки.

А царь тем ядом напирал
Свои послушливые стрелы
И с ними гибель разослал
К соседям в чуждые пределы.

¹ Тлетворный — губительный.

<ПОЛТАВСКИЙ БОЙ>

Горит восток зарёю новой.
Уж на равнине, по холмам
Грохочут пушки. Дым багровый
Кругами всходит к небесам
Навстречу утренним лучам.
Полки ряды свои сомкнули.
В кустах рассыпались стрелки.
Катятся ядра, свищут пули;
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые победы¹,
Сквозь огонь окопов рвутся шведы;
Волнуясь, конница летит;
Пехота движется за нею
И тяжкой твёрдостью своею
Её стремления крепит.
И битвы поле роковое
Гремит, пылает здесь и там,
Но явно счастье боевое
Служить уж начинает нам.

¹ Сыны любимые победы.— Так Пушкин называет шведов, которые до Полтавской битвы одержали ряд побед над войсками разных государств.

Пальбой отбитые дружины,
Мешаясь, падают во прах.
Уходит Розен сквозь теснины;
Сдаётся пылкий Шлипенбах¹.
Тесним мы шведов рать за ратью;
Темнеет слава их знамён,
И бога браней благодатью
Наш каждый шаг запечатлён.

Тогда-то, свыше вдохновенный,
Раздался звучный глас Петра:
«За дело, с богом!» Из шатра,
Толпой любимцев окруженный,
Выходит Пётр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен,
Он весь как божия гроза.
Идёт. Ему коня подводят.
Ретив и смирен верный конь.
Почуя роковой огонь,
Дрожит. Глазами косо водит.
И мчится в прахе² боевом,
Гордясь могущим седоком.

Уж близок полдень. Жар пылает.
Как пахарь, битва отдыхает.
Кой-где гарцуют казаки.
Ровняясь, строятся полки.
Молчит музыка боевая.
На холмах пушки, присмирив,
Прервали свой голодный рев.

¹ Розен, Шлипенбах — шведские генералы.

² В прахе боевом — в пыли, в дыму сраженья.

И се¹ — равнину оглашая,
Далече грянуло ура:
Полки увидели Петра.

И он промчался пред полками,
Могущ и радостен, как бой.
Он поле пожирал очами.
За ним вослед неслись толпой
Сии птенцы гнезда Петрова² —
В временах жребия земного,
В трудах державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметев благородный,
И Брюс, и Боур, и Репнин,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелин³.

И перед синими рядами
Своих воинственных дружин,
Несомый верными слугами,
В качалке, бледен, недвижим,
Страдая раной, Карл явился.
Вожди героя шли за ним.
Он в думу тихо погрузился.
Смущённый взор изобразил
Необычайное волнение.

¹ И се — и вот.

² Птенцы гнезда Петрова — люди, воспитанные Петром и помогавшие ему в трудах государственных (державства) и во время войны.

³ Счастья баловень безродный, полудержавный властелин — А. Д. Меншиков, происходивший из простонародья; он стал ближайшим помощником Петра I, приобрёл огромную власть и богатство.

Казалось, Карла приводил
Желанный бой в недоуменье...
Вдруг слабым манием руки
На русских двинул он полки.

И с ними царские дружины
Сошлись в дыму среди равнины:
И грянул бой, Полтавский бой!
В огне, под градом раскалённым,
Стеной живою отражённым,
Над падшим строем свежий строй
Штыки смыкает. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами¹, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся сплеча.
Бросая груды тел на груды,
Шары чугунные повсюду
Меж ними прыгают, разят,
Прах роют и в крови шипят.
Швед, русский — колет, рубит, режет.
Бой барабанный, клики, скрежет.
Гром пушек, топот, ржанье, стон,
И смерть и ад со всех сторон.

Но близок, близок миг победы.
Ура! мы ломим; гнутся шведы.
О славный час! о славный вид!
Ещё напор — и враг бежит.
И следом конница пустилась,
Убийством тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась,
Как роем чёрной саранчи.

¹ Б р а з д а м и — здесь: конскими удилами.

Пирует Пётр. И горд, и ясен,
И славы полон взор его.
И царский пир его прекрасен.
При кликах войска своего,
В шатре своём он угощает
Своих вождей, вождей чужих,
И славных пленников ласкает,
И за учителей своих
Заздравный кубок подымает.

* *
*

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадёт ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

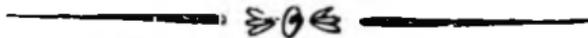
Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придёт желанная пора:

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

1600—1844

Евгений Абрамович Баратынский

Евгений Абрамович Баратынский родился в имени своих родителей, недалеко от города Тамбова, и там провёл раннее детство.

Родители очень заботились о его образовании — в пять лет мальчик выучился русской грамоте, а в шесть хорошо говорил по-французски и по-итальянски.

Двенадцати лет Баратынского отправили в Петербург в военное учебное заведение — Пажеский корпус. Он долго не мог привыкнуть к петербургской жизни; в корпусе у него не было товарищей, которые любили бы книги, литературу. А Баратынский много читал, рано стал писать стихи и о первых своих сочинениях рассказывал в письмах к матери: «Сейчас я занимаюсь в минуты отдыха переводом и сочинением маленьких историй, и, сказать вам правду, я больше всего люблю поэзию. Я очень бы хотел быть автором».

Восемнадцать лет Баратынский поступил на военную службу в Петербурге. К этому времени у него уже было написано много стихов. Стихи его стали появляться в печати, их хвалили, о них хорошо отзывались его друзья, среди которых были Пушкин, Дельвиг и многие другие поэты. Пушкин любил стихи Баратынского и говорил, что он «принадлежит к числу отличных наших поэтов».

Когда вы станете постарше и прочтёте все стихи и поэмы, которые написал Баратынский, то поймёте, за что так ценил

его Пушкин, а пока почитайте его стихи о русской природе, которую он хорошо знал и любил с детских лет.

Вот пишет он о весне, и вы вместе с ним видите лёгкие облака в высоком небе, слушаете пенне жаворонка, шум ручья... Но проходят весна и лето, наступает осень.

И вот сентябрь! замедля свой восход,
Сияньем хладным солнце блещет,
И луч его в зеркале зыбком вод
Неверным золотом трепещет...

И грустно оттого, что наступает осень — «вечер года», как хорошо назвал Баратынский в этом стихотворении осень.

Баратынскому долго пришлось жить в Финляндии, куда перевели его по службе. Он полюбил финский народ, природу Финляндии и несколько стихотворений посвятил этой стране.

* *
*

Весна, весна! как воздух чист!
Как ясен небосклон!
Своей лазурию живой
Слепит мне очи он.

Весна, весна! как высоко
На крыльях ветерка,
Ласкаясь к солнечным лучам,
Летают облака!

Шумят ручьи! блестят ручьи!
Взревев, река несёт
На торжествующем хребте
Поднятый ею лёд!

Ещё древа обнажены,
Но в роще ветхий лист,
Как прежде, под моей ногой
И шумен и душист.

Под солнце самое взвился
И в яркой вышине
Незримый жавронок поёт
Заздравный гимн весне...

О С Е Н Ь

И вот сентябрь! замедля свой восход,
Сияньем хладным солнце блещет,
И луч его в зеркале зыбком вод
Неверным золотом трепещет.
Седая мгла виётся вокруг холмов;
Росой затоплены равнины;
Желтеет сень кудрявая дубов,
И красен круглый лист осины;
Умолкли птиц живые голоса,
Безмолвен лес, беззвучны небеса!

И вот сентябрь! и вечер года к нам
Подходит. На поля и горы
Уже мороз бросает по утрам
Свои сребристые узоры.
Пробудится ненастливый Эол¹;
Пред ним помчится прах летучий,
Качаяся, завоюет роща, дол
Покроет лист её падучий,
И набегут на небо облака,
И, потемнев, запенится река.

Прощай, прощай, сияние небес!
Прощай, прощай, краса природы!
Волшебного шептанья полный лес,
Златочешуйчатые воды!
Весёлый сон минутных летних нег!
Вот эхо, в рощах обнажённых,
Секирою тревожит дровосек,
И скоро, снегом убранных,
Своих дубов и холмов зимний вид
Застылый ток² туманно отразит.

¹ Э о л — бог ветров у древних греков; здесь: ветер.

² Т о к — здесь: поток, ручей.

<ФИНЛЯНДИЯ>

Суровый край: его красам,
Пугаяся, дивятся взоры;
На горы каменные там
Поверглись каменные горы;
Синея, всходят до небес
Их своенравные громады;
На них шумит сосновый лес;
С них бурно льются водопады;
Там дол очей не веселит;
Гранитной лавой он облит;
Главу одевши в мох печальный,
Огромным сторожем стоит
На нём гранит пирамидальный...

* *
*

Где сладкий шёпот
Моих лесов?
Потоков ропот,
Цветы лугов?
Деревья голы;
Ковёр зимы
Покрыл холмы,
Луга и доли.
Под ледяной
Своей корой
Ручей немеет;
Всё цепенеет,
Лишь ветер злой,
Бушующий,
И небо кроет
Седую мглой.

1803—1846

Николай Михайлович Языков

Николай Михайлович Языков родился в Симбирской губернии. Всё своё детство он провёл на Волге; видел на её берегу остатки древних городищ, курганов, пещер, любил слушать рассказы волжских рыбаков о русской старине, о Пугачёве, о Стеньке Разине.

Девятнадцать лет Языков поступил в университет. Много занимался историей, и особенно древнерусской. Он изучал жизнь русских людей, их войны, их славные победы и об этом писал в своих первых стихах. Их печатали в журналах, и Языков скоро стал известным поэтом. Стихи его любил Пушкин. Языков бывал в Михайловском, когда Пушкин жил там в ссылке. Пушкин и Языков читали друг другу свои стихи, много говорили о самом дорогом для них — о русской литературе, иногда опорили. Няня Пушкина Арина Родионовна всегда ласково встречала Языкова. «Свет Родионовна, забуду ли тебя?» — так начал Языков одно из своих стихотворений, посвящённых няне Пушкина.

Много стихов написал Языков о природе, о великой русской реке Волге, о необозримых просторах родного края.

В одном из лучших своих стихотворений — «Пловец» — поэт зовёт сильного душой человека к борьбе, к движению вперёд. Это стихотворение было положено на музыку, и его часто пели в революционных кружках прошлого века, поют и до сих пор.

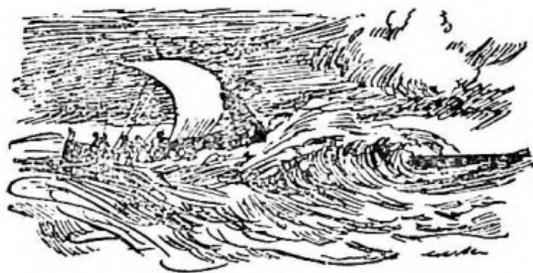
Языков всегда с восхищением говорил о великом народном русском языке; он любил народные песни, сказки, пословицы; собирал их, записывал.

Когда вы будете читать в этой книге его стихи «Конь», «Маяк» и другие, то увидите, какие он умел находить меткие слова, интересные сравнения. Морские волны Языков сравнивает в стихотворении «Маяк» с руками:

Встаёт ли свирепое море волнами,
Волнами хватая тебя, как руками,
Обрушить тебя в глубину: ты стоишь!

Скачущего на воле коня Языков называет «бурноногим». И как хорошо говорит, что конь идёт под седоком «стройноверными шагами»!

Николай Васильевич Гоголь, с которым Языков был дружен, сказал о нём: «Недаром пришлось ему имя Языков — владеет он языком, как араб своим конём».

П Л О В Е Ц

Нелюдимо наше море,
День и ночь шумит оно;
В роковом его просторе
Много бед погребено.

Смело, братья! Ветром полный
Парус мой направил я:
Полетит на скользки волны
Быстрокрылая ладья!

Облака бегут над морем,
Крепнет ветер, зыбь черней,
Будет буря: мы поспорим
И помужествуем с ней!

Смело, братья! Туча грянет,
Закипит громада вод,
Выше вал сердитый встанет,
Глубже бездна упадёт!

Там, за далью непогоды,
Есть блаженная страна:
Не темнеют неба своды,
Не проходит тишина.

Но туда выносят волны
Только сильного душой!..
Смело, братья, бурей полный
Прям и крепок парус мой!

КОРАБЛЬ

Люблю смотреть на сине море
В тот час, как с края в край на волновом просторе
Гроза рокочет и ревёт;
А победитель волн, громов и непогод,
И смел и горд своею славой,
Корабль в даль бурных вод уходит величаво!

МАЯК

Меж морем и небом, на горной вершине,
Отважно поставлен бросать по водам
Отрадный, спасительный свет кораблям,
Застигнутым ночью на бурной пучине,

Ты волю благую достойно творишь:
Встаёт ли свирепое море волнами,
Волнами хватая тебя, как руками,
Обрушить тебя в глубину: ты стоишь!

И небо в тебя, светоносного, мечет
Свой гром, раздробляющий горы: ты цел;
Он, словно как пыль, по тебе пролетел,
И бурное море тебе рукоплещет!

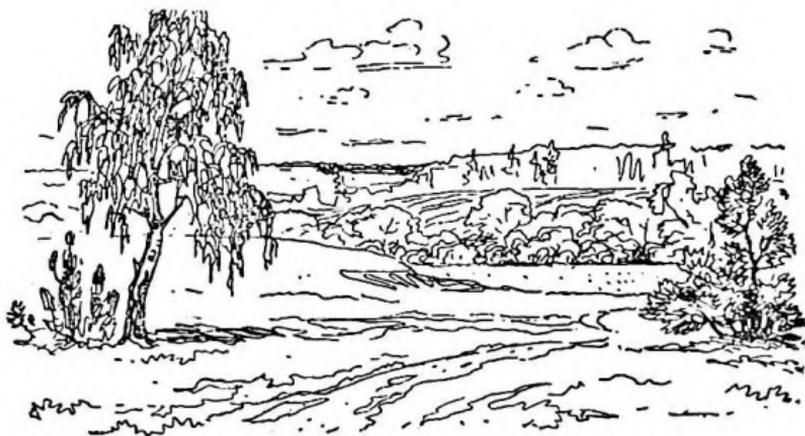
КОНЬ

Жадно, весело он дышит
Свежим воздухом полей,
Сизый пар кипит и пышет
Из пылающих ноздрей;
Полон сил, удал на воле,
Громким голосом заржал,
Встрепенулся конь — и в поле
Бурноногий поскакал!
Скачет, блестящий глазами,
Дико голову склонил;
Вдоль по ветру он волнами
Чёрну гриву распустил.
Сам как ветер: круть ли встанет
На пути? Отважный прынет —
И на ней уж! Ляжет ров
И поток клубится? — Мигом
Он широким перепрыгом
Через них — и был таков!

Веселися, конь ретивый!
Щеголяй избытком сил!
Ненадолго волны гривы
Вдоль по ветру ты пустил!
Ненадолго жизнь и воля
Разом бурному даны,
И холодный воздух поля,
И отважны крутизны,
И стремнины роковые...
Скоро, скоро под замок!
Тешь копыта удалые,
Свой могучий бег и скок!

Снова в дело, конь ретивый!
В сбруе лёгкой и красивой,
И блистающий седлом,
И бренчащий поводами,
Стройно-верными шагами
Ты пойдёшь под седоком.

* *
*

Мой друг! Что может быть милей
Бесценного родного края?
Там солнце кажется светлей,
Там радостней весна золотая,
Прохладней лёгкий ветерок,
Душистее цветы, там холмы зеленее,
Там сладостней журчит поток,
Там соловей поёт звучнее,
Там всё нас может восхищать,
Там всё прекрасно, там всё мило,
Там дни, как молния, летят,
Там нет тоски унылой,
Там наше счастье живёт,
Там только жизнью наслаждаться!

1809—1842

Алексей Васильевич Кольцов

Алексей Васильевич Кольцов родился в Воронеже. Отец его был прасол — торговал скотом. Учиться в школе Кольцову почти не пришлось. Отец взял его из второго класса — решил приучать к торговле.

А Кольцов очень хотел учиться; он любил читать, но и книг для чтения в доме Кольцовых не было. В школе подружился Кольцов с мальчиком, у которого был целый сундук с книгами. В этом сундуке были сказки про Бову-королевича и про Еруслана Лазаревича и былины про Илью Муромца. Мальчики читали и мечтали поскорей вырасти и стать такими же славными, могучими богатырями, как Илья Муромец.

С десяти лет Кольцов стал помогать отцу: вёл счётные книги, ездил по степным сёлам и хуторам покупать и продавать скот. Очень полюбил он степь: горячие летние дни, тёмные ночи с яркими звёздами, ковыль-траву, вечерний костёр. У костра собирались погонщики скота, подходил какой-нибудь прохожий, и начинались разговоры, рассказывались сказки и пелись старинные русские песни.

Любовь к чтению, к книгам росла у Кольцова с годами. Он всеми силами всю жизнь старался пополнить свои знания. Но больше всего любил поэзию.

В шестнадцать лет он написал свои первые стихи. Стихи получились не совсем складные, но Кольцову они понравились, и он продолжал писать «пьесы» — так он называл свои стихи.

Писал он очень много. Постепенно стихи его становились всё лучше и лучше. Они напоминали русские народные песни — вольные, широкие, звонкие. В них описывал Кольцов родную природу, тяжёлую долю крестьянина, его труд в поле — ведь сам он был из народа и писал о том, что было близко и дорого ему.

Стихи Кольцова стали печатать в газетах и журналах. В Москве, куда он ездил по делам отца, Кольцов познакомился с великим русским критиком Белинским и со многими известными писателями. Кольцов, который обычно трудно сходиллся с людьми, всем сердцем привязался к Белинскому. «Я обязан ему всем: он меня поставил на настоящую мою дорогу», — говорил он.

В 1835 году вышла первая книга стихов Кольцова, а в следующем году он был в Петербурге, познакомился с Пушкиным, читал ему свои новые стихи.

Через несколько месяцев в Воронеж пришло известие о смерти Пушкина. Горе Кольцова было безгранично, когда узнал он о гибели самого любимого своего поэта. Он посвятил Пушкину одно из лучших своих стихотворений — «Лес».

Жить в Воронеже Кольцову было очень тяжело. Родные не понимали его. Отец, человек невежественный и грубый, считал, что надо «дело делать» — торговать, а не стихи писать, которые никаких доходов не приносят. Кольцов хотел уйти из дому, бросить торговлю, зажить по-новому. «Торгаш — мерзкое слово», — писал он в одном письме. Но тяжёлая болезнь и ранняя смерть помешали осуществиться его мечтам.

ПЕСНЯ ПАХАРЯ

Ну! тащися, сивка,
Пашней, десятиной!
Выбелим железо
О сырую землю.

Красавица зорька
В небе загорелась,
Из большого леса
Солнышко выходит.

Весело на пашне.
Ну! тащися, сивка!
Я сам-друг с тобою,
Слуга и хозяин.

Весело я лажу
Борону и соху,
Телегу готовлю,
Зёрна насыпаю.

Весело гляжу я
На гумно, на скірды,
Молочу и вею...
Ну! тащися, сивка!

Пашенку мы рано
С сивкою распашем,
Зёрнышку сготовим
Колыбель святую.

Его вспоит, вскормит
Мать-земля сырая;
Выйдет в поле травка —
Ну! тащися, сивка!

Выйдет в поле травка —
Вырастет и колос,
Станет спеть, рядиться
В золотые ткани.

Заблестит наш серп здесь,
Зазвенят здесь косы;
Сладок будет отдых
На снопах тяжёлых!

Ну! тащися, сивка!
Накормлю досыта,
Напою водою,
Водой ключевою.

ЛЕС

(Посвящено памяти А. С. Пушкина)

Что, дремучий лес,
Призадумался,—
Грустью тёмною
Затуманился?

Что Бова-силач
Заколдованный,
С непокрытою
Головой в бою,—

Ты стойшь — поник,
И не ратуешь¹
С мимолётною
Тучей-бурею.

Густолиственный
Твой зелёный шлем
Буйный вихрь сорвал —
И развеял в прах.

Плащ упал к ногам
И рассыпался...
Ты стоишь — поник,
И не ратуешь.

Где ж девалася
Речь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская?

¹ Р а т о в а т ь — бороться, биться,

У тебя ль, было,
В ночь безмолвную
Заливная песнь
Соловьиная...

У тебя ль, было,
Дни — роскошество, —
Друг и недруг твой
Прохлаждаются...

У тебя ль, было,
Поздно вечером
Грозно с бурей
Разговор пойдёт.

Распахнёт она
Тучу чёрную,
Обоймёт тебя
Ветром-холодом.

И ты молвишь ей
Шумным голосом:
«Вороти назад!
Держи около!»

Закружит она,
Разыграется...
Дрогнет грудь твою,
Зашатаешься;

Встрепенувшись,
Разбушуешься:
Только свист кругом,
Голоса и гул...

Буря всплachtetся
Лешим, ведьмою, —
И несёт свои
Тучи за море.

Где ж теперь твоя
Мочь зелёная?
Почернел ты весь,
Затуманился...

Одичал, замолк...
Только в непогодь
Воешь жалобу
На безвременье.

Так-то, тёмный лес,
Богатырь-Бова!
Ты всю жизнь свою
Маял битвами.

Не осилили
Тебя сильные,
Так дорезала
Осень чёрная.

Знать, во время сна
К безоружному,
Силы вражие
Понахлынули.

С богатырских плеч
Сняли голову —
Не большой горой,
А соломинкой...

КОСАРЬ

Я куплю себе
Косу новую;
Отобью её,
Наточу её,—
И прости-прощай,
Село родное!

В края дальние
Пойдёт молодец:
Что вниз по Дону,
По набережью,
Хороши стоят
Там слободушки!
Степь раздольная
Далеко вокруг,
Широко лежит,
Ковылём-травой
Расстилается!..
Ах ты, степь моя,
Степь привольная,
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
К морю Чёрному
Понадвинулась!
В гости я к тебе
Не один пришёл:
Я пришёл сам-друг
С косою острою;
Мне давно гулять
По траве степной,
Вдоль и поперек
С ней хотелось...

Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!
Ты пахни в лицо,
Ветер с полудня?
Освежи, взволнуй
Степь просторную!
Зажужжи, коса,
Как пчелиный рой!
Молоньёй, коса,
Засверкай кругом!
Зашуми, трава,
Подкошбнная;
Поклонись, цветы,
Головой земле!..

РАЗДУМЬЕ СЕЛЯНИНА

Сяду я за стол —
Да подумаю:
Как на свете жить
Одинокому?

Нет у молодца
Молодой жены,
Нет у молодца
Друга вернова,

Золотой казны,
Угла тёплова,
Бороны-сохи,
Коня-пахаря;

Вместе с бедностью
Дал мне батюшка
Лишь один талант —
Силу крепкую;

Да и ту как раз
Нужда горькая
По чужим людям
Всю истратила.

Сяду я за стол —
Да подумаю:
Как на свете жить
Одинокому?

1814—1841

Михаил Юрьевич Лермонтов

Михаил Юрьевич Лермонтов родился в Москве. Очень рано умерла у него мать, и его воспитывала бабушка, Елизавета Алексеевна Арсеньева. Детство Лермонтова прошло в имении бабушки — Тарханах, недалеко от города Пензы. Дом в Тарханах был просторный, с большим садом. Наверху в доме была детская; пол в детской был покрыт сукном. Маленький Лермонтов любил рисовать мелом по сукну и рисовал очень хорошо. Едва начав говорить, он уже подбирал рифмы. Прибежит к бабушке и твердит: «пол — стол», «кошка — окошко», а сам радостно смеётся.

Бабушка очень заботилась о воспитании внука, приглашала к нему лучших учителей, а чтобы ему не было одному скучно, взяла в дом нескольких мальчиков его возраста. Дети вместе играли в войну, ездили верхом, гуляли, часто ссорились: маленький Лермонтов всегда и во всём хотел быть первым. Подрастая, Мишель, как называли его в семье, любил слушать рассказы крепостных слуг о старине: об Иване Грозном, о Разине, о Пугачёве, о пожаре Москвы в 1812 году, о волжских разбойниках; любил воображать себя то храбрым рыцарем, то разбойником где-нибудь в дремучих лесах. В детстве он часто болел, и бабушка возила его несколько раз на Кавказ лечиться. Ему нравились снежные вершины гор, бурные горные речки, тёмные ночи с яркими звёздами, песни, сказки, предания горцев — жителей Кавказа. Позднее много прекрасных

произведений он посвятил Кавказу: «Мцыри», «Беглец», «Демон» и другие. И в преданиях Кавказа, и в русских народных песнях, сказках, былинах, которые Лермонтов с детства знал и любил, его привлекали герои — смелые, гордые, сильные.

Учился Лермонтов охотно, много читал, говорил по-французски и по-немецки, увлекался математикой, играл в шахматы, рисовал, лепил, играл на фортепьяно, на скрипке — и во всём проявлял необычайное упорство и настойчивость. Литературу он знал прекрасно и больше всех русских поэтов любил Пушкина. Когда Лермонтову пошёл четырнадцатый год, бабушка решила отдать его в Благородный пансион при Московском университете. Она переехала с ним в Москву, и он стал готовиться к вступительным экзаменам. Часто, окончив занятия, Лермонтов бродил по Москве со своим учителем. Всё в Москве нравилось ему, всё возбуждало чувство гордости за свой народ, за родину. «Москва не безмолвная громада каменной холодных... нет! у неё есть своя душа, своя жизнь» — так несколько лет спустя писал Лермонтов.

Осенью 1828 года Лермонтов поступил в пансион. В пансионе воспитанники много занимались литературой, вместе читали, обсуждали произведения разных писателей, спорили, пробовали писать сами. Скоро Лермонтов сделался признанным поэтом среди учащихся пансиона, стихи его расходились в списках, помещались в рукописных журналах. Учился Лермонтов очень хорошо — был одним из первых учеников.

В 1830 году Лермонтов поступил в Московский университет, но не окончил его: начальству не нравился мятежный дух студента Лермонтова. Ему пришлось оставить университет. Он переехал в Петербург, но поступил уже не в университет, а в военную школу.

Очень не хотелось ему уезжать из Москвы. Он любил Москву, здесь оставались у него друзья. Настроение у него было тревожное, ему хотелось воли, простора. Вскоре после переезда в Петербург Лермонтов написал одно из лучших своих стихотворений — «Парус». Все, конечно, понимали, что поэт говорит здесь о людях, которые мечтают о «буре» — о борьбе за свободу.

Двадцати лет, окончив школу, Лермонтов стал офицером гвардейского полка.

Писал Лермонтов все эти годы много, но никогда не был

вполне доволен собою, часто уничтожал свои стихи, не прочитав их никому; сомневался в себе, в своём таланте.

В начале 1837 года Лермонтов написал стихотворение «Бородино». В этом стихотворении старый русский солдат рассказывает молодому солдату о Бородинском бое, о настроении солдат перед боем, говорит о великой любви русского народа к родине. Это было первое стихотворение, которое Лермонтову хотелось показать Пушкину, хотелось напечатать в журнале «Современник», редактором которого был Пушкин. Но он не успел этого сделать: Пушкин погиб на дуэли.

Горе Лермонтова было безгранично: Пушкина он ставил выше всех поэтов мира. Он написал стихотворение «Смерть Поэта», полное горя из-за утраты любимого поэта, ненависти, возмущения и презрения к высшему обществу, которое Лермонтов обвинял в смерти Пушкина. Стихи быстро разошлись в списках. О молодом неизвестном поэте сразу заговорили.

За эти стихи Лермонтов был арестован и сослан на Кавказ. Во время своих странствований по Кавказу Лермонтов наблюдал жизнь горцев, записывал народные песни, сказки, предания, продолжал писать стихи. Обычно он работал над каждым стихотворением много, упорно, был очень требователен к себе.

В начале 1838 года Лермонтов был возвращён из ссылки. Всё чаще думал он теперь о том, чтобы оставить военную службу и посвятить себя целиком литературе. Он познакомился с Жуковским, Крыловым. Все они высоко ценили поэта Лермонтова, считали его преемником Пушкина.

К этому времени у него уже было написано больше трёхсот стихотворений, много поэм, несколько драм и он заканчивал свой большой роман в прозе — «Герой нашего времени».

Слава поэта росла, произведения его читались по всей России. Его смелые, обличительные стихи становились опасными для царского правительства, которое преследовало его так же, как Пушкина.

Снова царское правительство позаботилось о том, чтобы убрать неугодного поэта. Была подстроена ссора его с сыном французского посла Баранта. Тот вызвал Лермонтова на дуэль, и хотя дуэль кончилась без крови, Лермонтова арестовали, и в апреле 1840 года он был сослан на Кавказ.

В последний вечер перед отъездом друзья собрались, чтобы проститься с ним. Все были взволнованы и опечалены. Лер-

монтов стоял у окна, смотрел на весеннее петербургское небо и читал своё новое стихотворение «Тучи», — может быть только что написанное.

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники,
С милого севера в сторону южную...—

так сравнивал он свою судьбу гонимого поэта с вечными странниками — тучами.

Через год с небольшим Лермонтов был убит на дуэли, так же как и Пушкин. Его вызвал на дуэль бывший товарищ по юнкерской школе Мартынов, человек пустой и ничтожный. Он знал, что смерть поэта Лермонтова пройдёт для него безнаказанно, потому что это было угодно царю.

Дуэль состоялась недалеко от Пятигорска, у подножия горы Машук. Был вечер. Чёрная грозовая туча поднималась над горой. Секунданты подали противникам знак сходитьсь. Лермонтов стоял, подняв пистолет дулом вверх — он не хотел стрелять. Мартынов прицелился, выстрелил. Лермонтов был убит. Это было 15 июня 1841 года.

БОРОДИНО

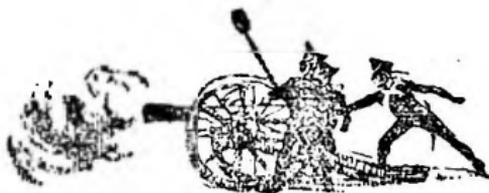
— Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Москва, спалённая пожаром,
Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые
Да, говорят, ещё какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!

— Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри — не вы!
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля...
Не будь на то господня воля,
Не отдали б Москвы!

Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:

«Что ж мы? на зимние квартиры?
Не смеют, что ли, командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские штыки?»

И вот нашли большое поле.
Есть разгуляться где на воле!
Построили редут¹.
У наших ушки на макушке!
Чуть утро осветило пушки
И леса синие верхушки —
Французы тут как тут.

Забил заряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!
Постой-ка, брат, мусью!
Что тут хитрить, пожалуй к бою;
Уж мы пойдём ломить стеною,
Уж постоим мы головою
За родину свою!

Два дня мы были в перестрелке.
Что толку в этакой безделке?
Мы ждали третий день.
Повсюду стали слышны речи:

¹ Р е д у т — полевое укрепление, обнесённое валом.

«Пора добраться до картечи!»¹
И вот на поле грозной сечи
Ночная пала тень.

Прилёг вздремнуть я у лафета²,
И слышно было до рассвета,
Как ликовал француз.
Но тих был наш бивак³ открытый:
Кто кивер⁴ чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
Кусая длинный ус.

И только небо засветилось,
Всё шумно вдруг зашевелилось,
Сверкнул за строем строй.
Полковник наш рождён был хватом:
Слуга царю, отец солдатам...
Да, жаль его: сражён булатом,
Он спит в земле сырой.

И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
Умрёмте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.

Ну ж был денёк! Сквозь дым летучий
Французы двинулись, как тучи,
И всё на наш редут.

¹ Добраться до картечи — начать обстреливать врага картечью — артиллерийскими снарядами.

² Лафёт — станок, на котором укрепляется пушка.

³ Бивак — стоянка войск в поле для ночлега или отдыха.

⁴ Кивер — старинный высокий головной убор у военных.

Уланы с пёстрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами,
Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут.

Вам не видать таких сражений!..
Носились знаменá, как тени,
В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась — как наши груди,
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...

Вот смерклось. Были все готовы
Заутра бой затеять новый
И до конца стоять...
Вот затрещали барабаны —
И отступили бусурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри — не вы.
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля.
Когда б на то не божья воля,
Не отдали б Москвы!

УТЁС

Ночевала тучка золотая
На груди утёса-великана;
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;

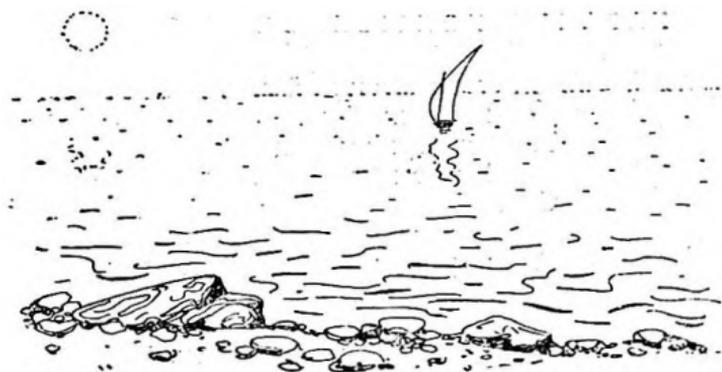
Но остался влажный след в морщине
Старого утёса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко,
И тихонько плачет он в пустыне.

* *
*

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна,
И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
Одета, как ризой, она.

И снится ей всё, что в пустыне далёкой —
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утёсе горячем
Прекрасная пальма растёт.

П А Р У С

Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом.—
Что ищет он в стране далёкой?
Что кинул он в краю родном?

Играют волны, ветер свищет,
И мачта гнётся и скрипит;
Увы! — он счастья не ищет
И не от счастья бежит!

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

КАЗАЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотрит месяц ясный
В колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Песенку спою;
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По камням струится Терек,
Плещет мутный вал;
Злой чечен¹ ползёт на берег,
Точит свой кинжал;
Но отец твой старый воин,
Закалён в бою:
Спи, малютка, будь спокоен,
Баюшки-баю.

Сам узнаешь, будет время,
Бранное житьё²;
Смело вденешь ногу в стремя
И возьмёшь ружьё.
Я седельце боевое
Шёлком разошью...
Спи, дитя моё родное,
Баюшки-баю.

Богатырь ты будешь с виду
И казак душой.

¹ Чечён, чечёнец — житель Кавказа.

² Бранное житьё — боевая военная жизнь.
Брань — битва.

Провожать тебя я выйду —
Ты махнёшь рукой...
Сколько горьких слёз украдкой
Я в ту ночь пролью!..
Спи, мой ангел, тихо, сладко,
Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,
Безутешно ждать;
Стану целый день молиться,
По ночам гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты в чужом краю...
Спи ж, пока забот не знаешь,
Баюшки-баю.

Дам тебе я на дорогу
Образок святой:
Ты его, моляся богу,
Ставь перед собой;
Да, готовясь в бой опасный,
Помни мать свою...
Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.

ТУЧИ

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники,
С милого севера в сторону южную.

Кто же вас гонит: судьбы ли решение?
Зависть ли тайная? злоба ль открытая?
Или на вас тяготит преступление?
Или друзей клевета ядовитая?

Нет, вам наскучили нивы бесплодные...
Чужды вам страсти и чужды страдания;
Вечно холодные, вечно свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгнания.

ЛИСТОК

Дубовый листок оторвался от ветки родимой
И в степь укатился, жестокою бурей гонимый;
Засох и увял он от холода, зноя и горя;
И вот наконец докатился до Чёрного моря.

У Чёрного моря чинара стоит молодая;
С ней шепчется ветер, зелёные листья лаская;
На ветвях зелёных качаются райские птицы;
Поют они песни про славу морской царь-девицы.

И странник прижался у корня чинары высокой;
Приюта на время он молит с тоскою глубокой,
И так говорит он: «Я бедный листочек дубовый,
До срока созрел я и вырос в отчизне суровой.

Один и без цели по свзту ношуся давно я,
Засох я без тени, увял я без сна и покоя.
Прими же пришельца меж листьев своих изумрудных,
Немало я знаю рассказов мудрёных и чудных». —

«На что мне тебя? — отвечает младая чинара. —
Ты пылен и жёлт, — и сынам моим свежим не пара.
Ты много видал — да к чему мне твои небылицы?
Мой слух утомили давно уж и райские птицы.

Иди себе дальше; о странник! тебя я не знаю!
Я солнцем любима; цвету для него и блистаю;
По небу я ветви раскинула здесь на просторе,
И корни мои умывает холодное море».

ВОЗДУШНЫЙ КОРАБЛЬ

По синим волнам океана,
Лишь звёзды блеснут в небесах,
Корабль одинокий несётся,
Несётся на всех парусах.

Не гнутся высокие мачты,
На них флюгера не шумят,
И молча в открытые люки
Чугунные пушки глядят.

Не слышно на нём капитана,
Не видно матросов на нём;
Но скалы, и тайные мели,
И бури ему нипочём.

Есть остров на том океане —
Пустынный и мрачный гранит;
На острове том есть могила,
А в ней император¹ зарыт.

Зарыт он без почестей бранных
Врагами в сыпучий песок,
Лежит на нём камень тяжёлый,
Чтоб встать он из гроба не мог.

И в час его грустной кончины,
В полночь, как свершается год,
К высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристаёт.

¹ Император — французский император Наполеон I.

Из гроба тогда император,
Очнувшись, является вдруг;
На нём треугольная шляпа
И серый походный сюртук.

Скрестивши могучие руки,
Главу опустивши на грудь,
Идёт и к рулю он садится
И быстро пускается в путь.

Несётся он к Франции милой,
Где славу оставил и трон,
Оставил наследника-сына
И старую гвардию он.

И только что землю родную
Завидит во мраке ночном,
Опять его сердце трепещет
И очи пылают огнём.

На берег большими шагами
Он смело и прямо идёт,
Соратников громко он кличет
И маршалов грозно зовёт.

Но спят усачи-гренадеры¹ —
В равнине, где Эльба шумит,
Под снегом холодной России,
Под знойным песком пирамид.

¹ Гренадёры, гренадёры. — В старину так назывались солдаты особого рода войск, вооружённые гранатами. Позднее так называли солдат высокого роста, назначаемых в отборные части войск.

И маршалы зова не слышат:
Иные погибли в бою,
Другие ему изменили
И продали шпагу свою.

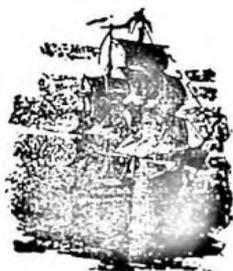
И, топнув о землю ногою,
Сердито он взад и вперёд
По тихому берегу ходит,
И снова он громко зовёт:

Зовёт он любезного сына,
Опору в превратной судьбе;
Ему обещает полмира,
А Францию только себе.

Но в цвете надежды и силы
Угас его царственный сын,
И долго, его поджидая,
Стоит император один —

Стоит он и тяжело вздыхает,
Пока озарится восток,
И капают горькие слёзы
Из глаз на холодный песок,

Потом на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идёт и, махнувши рукою,
В обратный пускается путь.

ТРИ ПАЛЬМЫ
(Восточное сказание)

В песчаных степях аравийской земли
Три гордые пальмы высоко росли.
Родник между ними из почвы бесплодной,
Журча, пробивался волною холодной,
Хранимый, под сенью зелёных листов,
От знойных лучей и летучих песков.

И многие годы неслышно прошли;
Но странник усталый из чуждой земли
Пылающей грудью ко влаге студёной
Ещё не склонялся под кущей¹ зелёной,
И стали уж сохнуть от знойных лучей
Роскошные листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на бога роптать:
«На то ль мы родились, чтоб здесь увядать?
Без пользы в пустыне росли и цвели мы,
Колеблемы вихрем и зноем палимы,
Ничей благосклонный не радуя взор?..
Неправ твой, о небо, святой приговор!»

И только замолкли — в дали голубой
Столбом уж крутился песок золотой,
Звонков раздавались нестройные звуки,
Пестрели коврами покрытые вьюки,
И шёл, колыхаясь, как в море челнок,
Верблюд за верблюдом, взрывая песок.

Мотаясь, висели меж твёрдых горбов
Узорные полы походных шатров;

¹ Под кущей — под навесом ветвей.

Их смуглые ручки порой подымали,
И чёрные очи оттуда сверкали...
И, стан худошавый к луке¹ наклоня,
Араб горячил вороного коня.

И конь на дыбы подымался порой,
И прыгал, как барс, поражённый стрелой;
И белой одежды красивые складки
По плёчам фариса² вились в беспорядке;
И, с криком и свистом несясь по песку,
Бросал и ловил он копьё на скаку.

Вот к пальмам подходит, шумя, караван:
В тени их весёлый раскинулся стан.
Кувшины звуча налилися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Приветствуют пальмы нежданных гостей,
И щедро поит их студёный ручей.

Но только что сумрак на землю упал,
По корням упругим топор застучал,
И пали без жизни питомцы столетий!
Одежду их сорвали малые дети,
Изрублены были тела их потом,
И медленно жгли их до утра огнём.

Когда же на запад умчался туман,
Урочный³ свой путь совершал караван;
И следом печальным на почве бесплодной
Виднелся лишь пепел седой и холодный;

¹ Лукá — изгиб переднего или заднего края седла.

² Фарис — наездник-бедуин. Бедуины — кочевые арабы.

³ Урочный — обычный, установленный.

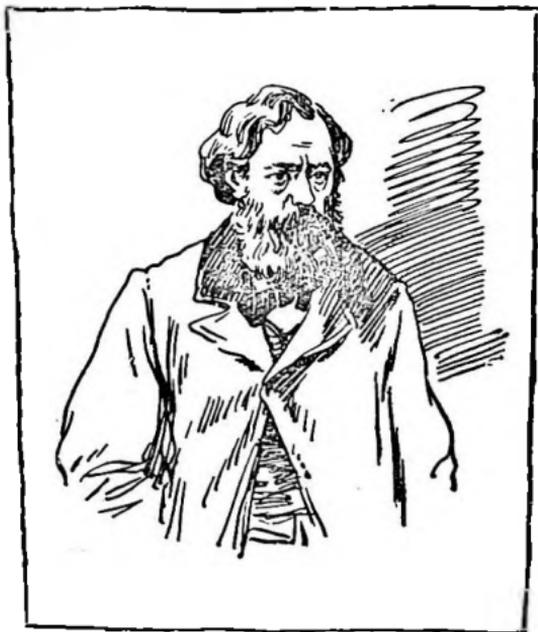
И солнце остатки сухие дожгло,
А ветром их в степи потом разнесло.

И ныне всё дико и пусто кругом —
Не шепчутся листья с гремучим ключом:
Напрасно пророка о тени он просит —
Его лишь песок раскалённый заносит,
Да коршун хохлатый, степной нелюдим,
Добычу терзает и щиплет над ним.

* *
*

Москва, Москва!.. люблю тебя как сын,
Как русский,— сильно, пламенно и нежно!
Люблю священный блеск твоих седин
И этот Кремль зубчатый, безмятежный.
Напрасно думал чуждый властелин¹
С тобой, столетним русским великаном,
Померяться главою и обманом
Тебя низвергнуть. Тщетно поражал
Тебя пришлец: ты вздрогнул — он упал!
Вселенная замолкла... Величавый,
Один ты жив, наследник нашей славы.

¹ Чуждый властелин — Наполеон I.

1813—1877

Николай Платонович Огарёв

В один из летних дней 1827 года в Москве, на Воробьёвых горах, стояли два мальчика — Саша Герцен и Ник Огарёв. Герцену было четырнадцать, Огарёву тринадцать лет. «Сидилось солнце, купола блестели, город стлался на необозримое пространство под горой, свежий ветерок подувал на нас; постояли мы, постояли, оперлись друг на друга и, вдруг обнявшись, присягнули, в виду всей Москвы, пожертвовать нашей жизнью на избранную нами борьбу» — так писал Герцен много лет спустя, вспоминая об этом дне.

Со смелыми мечтами — бороться за свободу и счастье родного народа — они поступили потом в Московский университет. Вместе они организовали студенческий кружок, членами которого были революционно настроенные студенты. Но университет окончить Огарёву не удалось.

За ним был установлен секретный полицейский надзор, и летом 1834 года он был арестован. Его обвинили в вольнодумстве, в пении «дерзких песен», в революционном направлении мыслей. Через девять месяцев после ареста Огарёв был выслан в небольшой провинциальный город под надзор полиции.

В ссылке он ближе узнал жизнь русского народа, увидел, как трудно живётся крепостным людям. В своих стихах Огарёв стремился правдиво, просто рассказать о русской деревне, о крепостных крестьянах.

Мысли о крепостных, обездоленных людях постоянно мучили Огарёва. «Еду да тоскую: скучно мне да жалко сторону родную», — писал он в стихотворении «Дорога».

Как и всем передовым людям, Огарёву становилось всё труднее и труднее жить в царской России.

В 1856 году он навсегда уехал за границу и поселился вместе с Герценом в Англии. Вместе они издавали и тайно переправляли в Россию газету, которая называлась «Колокол». В газете они писали правду о русской жизни, призывали к решительной борьбе с самодержавием, печатали запрещённые стихи Пушкина, Рылеева и других поэтов.

До конца жизни Огарёв был верен клятве, которую дал в юности. В 1858 году он писал в стихотворении «Свобода»:

...если б грозила беда и невзгода,
И рук для борьбы захотела свобода,—
Сейчас полечу на защиту народа,
И, если паду я средь битвы суровой,
Скажу, умирая, могучее слово:
Свобода! Свобода!

ДОРОГА

Тускло месяц дальней
Светит сквозь тумана,
И лежит печально
Снежная поляна.

Белые с морозу
Вдоль пути рядами
Тянутся берёзы
С голыми сучками.

Тройка мчится лихо,
Колокольчик звонко;
Напевает тихо
Мой ямщик спросонок.

Я в кибитке валкой
Еду да тоскую:
Скучно мне да жалко
Сторону родную.

ИЗБА

Небо в час дозора
Обходя, луна
Светит сквозь узора
Мёрзлого окна.

Вечер зимний длится;
Дедушка в избе
На печи ложится
И уж спит себе.

Помоляся богу,
Улеглася мать;
Дети понемногу
Стали засыпать.

Только за работой
Молодая дочь
Борется с дремотой
Во всю долгу ночь.

И лучина бледно
Перед ней горит.
Всё в избушке бедной
Тишиной томит;

Лишь звучит докучно
Болтовня одна
Прялки однозвучной
Да веретена.

АРЕСТАНТ

Ночь темна. Лови минуты!
Но стена тюрьмы крепка,
У ворот её замкнуты
Два железные замка.
Чуть дрожит вдоль коридора
Огонёк сторожевой,
И звенит о шпору шпорой,
Жить скучая, часовой.

«Часовой!» — «Что, барин, надо?» —
«Притворись, что ты заснул:
Мимо б я, да за ограду
Тенью быстрою мелькнул!
Край родной повидеть нужно
Да жену поцеловать,
И пойду под шелест дружный
В лес зелёный вмирать!..» —

«Рад помочь! Куда ни шло бы!
Божья тварь, чай, тож и я!
Пуля, барин, ничего бы,
Да боюсь батожья!¹
Поседел под шум военный...
А сквозь полк как проведут,
Только ком окровавлённый
На тележке увезут!»

Шёпот смолк... Всё тихо снова...
Где-то бог подаст приют?
То ль схоронят здесь живого?
То ль на каторгу ушлют?
Будет вечно цепь надета,
Да начальство станет бить...
Ни ножа! ни пистолета!..
И конца нет сколько жить!

СВОБОДА

Когда я был отроком тихим и нежным,
Когда я был юношей страстно-мятежным,
И в возрасте зрелом, со старостью смежном,—
Всю жизнь мне всё снова, и снова, и снова
Звучало одно неизменное слово:
Свобода! Свобода!

Измученный рабством и духом унылый
Покинул я край мой родимый и милый,

¹ Батожье — палки или прутья для наказания.

Чтоб было мне можно, насколько есть силы,
С чужбины до самого края родного
Взывать громогласно заветное слово:
Свобода! Свобода!

И вот на чужбине, в тиши полуношной,
Мне издали голос послышался мощный...
Сквозь вьюгу сырую, сквозь мрак беспомощный,
Сквозь все завывания ветра ночного
Мне слышится с родины юное слово:
Свобода! Свобода!

И сердце, так дружное с горьким сомненьем,
Как птица из клетки, простясь с заточеньем,
Взыграло впервые отрадным биеньем,
И как-то торжественно, весело, ново
Звучит теперь с детства знакомое слово:
Свобода! Свобода!

И всё-то мне грезится — снег и равнина,
Знакомое вижу лицо селянина,
Лицо бородатое, мощь исполина,
И он говорит мне, снимая оковы,
Моё неизменное, вечное слово:
Свобода! Свобода!

Но если б грозила беда и невзгода,
И рук для борьбы захотела свобода, —
Сейчас полечу на защиту народа,
И, если паду я среди битвы суровой,
Скажу, умирая, могучее слово:
Свобода! Свобода!

А если б пришлось умереть на чужбине,
Умру я с надеждой и верою ныне;
Но в миг передсмертный — в спокойной кручине
Не дай мне остынуть без звука святого,
Товарищ! шепни мне последнее слово:
Свобода! Свобода!

* *
*

Сторона моя родимая,
Велики твои страдания,
Но есть мощь неодолимая,
И полны вы упования¹:

Не сгубят указы царские
Руси силы молодецкие, —
Ни помещики татарские,
Ни чиновники немецкие!

Не пойдёт волной обратною
Волга-матушка раздольная,
И стезёю² благодатною
Русь вперёд помчится вольная!

¹ Упование — надежда.

² Стезя́ — дорога, путь.

1824—1861

Иван Саввич Никитин

Бедная молодость, дни невесёлые,
Дни невесёлые, сердцу тяжёлые...—

писал поэт Иван Саввич Никитин, вспоминая свою невесёлую, трудную жизнь. Родился он в Воронеже, на окраине города, в маленьком доме над рекой. Отец его — небогатый торговец — мечтал о том, что сын его будет учёным лекарем. Шести лет мальчик стал учиться грамоте у соседа-сапожника, восьми лет отец отдал его в училище.

Никитин очень хотел стать образованным человеком, но учиться ему не пришлось: отец разорился, надо было ему помогать. Никитин работал на постоялом дворе, где останавливались на ночлег извозчики с обозами, продавал на базаре свечи, посуду, разную мелочь. Тяжело ему было, но он не падал духом; всё свободное время читал, стал писать стихи. «Найдя свободную минуту, — рассказывал он, — я уходил в какой-нибудь отдалённый уголок моего дома. Там я знакомился с тем, что составляет гордость человечества, там я слагал скромный стих, просившийся у меня из сердца. Всё написанное я скрывал, как преступление, от всякого постороннего лица и с рассветом сжигал строки, над которыми я плакал во время бессонной ночи. С годами любовь к поэзии росла в моей груди, но вместе с нею росло и сомнение: есть ли во мне хотя искра дарования».

В 1853 году в воронежской газете было напечатано стихотворение Никитина «Русь».

Под большим шатром
Голубых небес,—
Вижу — даль степей
Зеленеется...—

так начиналась эта песня о просторах великой русской земли, о её богатствах, о героическом её прошлом и славном будущем. Стихотворение имело большой успех; его переписывали, заучивали наизусть. Успех этот ободрил Никитина, он стал писать увереннее, смелее, свободнее. Просто, правдиво писал он о нужде о горе народа. Стихи были невесёлые — такие же, как его жизнь и жизнь народа.

Много чудесных стихов написал Никитин и о русской природе. Некоторые из них вы прочтёте в этой книге.

В 1856 году вышел первый сборник стихов Никитина. К этому времени у него было уже много друзей среди образованных людей Воронежа. Они помогли ему открыть книжную лавку, о которой он давно мечтал. Книжная лавка была у него особенная: при ней была библиотека, и он сам выдавал книги, выписывал новые, старался, чтобы книги были хорошие и полезные. В лавку приходили не только для того, чтобы купить или переменить книгу, но и поговорить о литературе, послушать стихи хозяина-поэта. Теперь Никитин мог заниматься любимым делом — литературой. Но здоровье его было надорвано тяжёлой жизнью, и в 1861 году он умер.

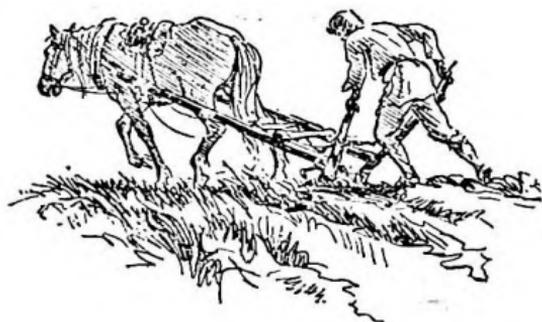

УТРО

Звёзды меркнут и гаснут. В огне облака.
Белый пар по лугам расстилается.
По зеркальной воде, по кудрям лозняка
От зари алый свет разливается.
Дремлет чуткий камыш. Тишь — безлюдье
вокруг.

Чуть приметна тропинка росистая.
Куст заденешь плечом, — на лицо тебе вдруг
С листьев брызнет роса серебристая.
Потянул ветерок, — воду морщит-рябит.
Пронеслись утки с шумом и скрылись.

Далеко, далеко колокольчик звенит.
Рыбаки в шалаше пробудились,
Сняли сети с шестов, вёсла к лодкам несут...
А восток всё горит-разгорается.
Птички солнышка ждут, птички песни поют,
И стоит себе лес, улыбается.
Вот и солнце встаёт, из-за пашен блестит;
За морями ночлег свой покинуло,
На поля, на луга, на макушки раки
Золотыми потоками хлынуло.
Едет пахарь с сохой, едет — песню поёт,
По плечу молодцу всё тяжёлое...
Не боли ты, душа! отдохни от забот!
Здравствуй, солнце да утро весёлое!

УТРО НА БЕРЕГУ ОЗЕРА

Ясно утро. Тихо веет
Тёплый ветерок;
Луг, как бархат, зеленеет,
В зареве восток.

Окаймлённое кустами
Молодых ракич,
Разноцветными огнями
Озеро блестит.

Тишине и солнцу радо,
По равнине вод
Лебедей ручное стадо
Медленно плывёт.

Вот один взмахнул лениво
Крыльями,— и вдруг
Влага брызнула игриво
Жемчугом вокруг.

Привязав к ракичам лодку,
Мужички вдвоём,
Близ осоки, втихомолку,
Тянут сеть с трудом.

По траве, в рубашках белых,
Скачут босиком
Два мальчишки загорелых
На прутах верхом.

Крупный пот с них градом льётся,
И лицо горит;

Звучно смех их раздаётся,
Голосок звенит.

«Ну, катай наперегонки!»
А на шалунов
С тайной завистью девчонка
Смотрит из кустов.

«Тянут, тянут! — закричали
Ребятишки вдруг: —
Вдоволь, чай, тепер поймали
И линей и щук».

Вот на берегу отлогом
Показалась сеть.
«Ну, вытряхивай-ка, с богом —
Нечего глядеть!»

Так сказал старик высокий,
Весь как лунь седой¹,
С грудью выпукло-широкой,
С длинной бородой.

Сеть намокшую подняли
Дружно рыбаки;
На песке затрепетали
Окуни, линьки.

Дети весело шумели:
«Будет на денёк!»
И на корточки присели
Рыбу класть в мешок...

¹ Весь как лунь седой — совсем белый, седой, как самка луня — хищной птицы с серовато-белым оперением.

* *
*

Ярко звёзд мерцанье
В синеве небес;
Месяца сиянье
Падает на лес.

В зеркало залива
Сонный лес глядит;
В чаще молчаливой
Темнота лежит.

Слышен меж кустами
Смех и разговор;
Жарко косарями
Разведён костёр.

По траве высокой,
С цепью на ногах,
Бродит одиноко
Белый конь впотьмах.

Вот уж песнь заводит
Песенник лихой.
Из кружка выходит
Парень молодой.

Шапку вверх кидает,
Ловит — не глядит,
Пляшет-приседает,
Соловьём свистит.

Песне отвечает
Коростель в лугах,
Песня замирает
Далеко в полях...

Золотые нивы,
Гладь и блеск озёр.
Светлые заливы,
Без конца простор,

Звёзды над полями,
Глушь да камыши...
Так и льются сами
Звуки из души!

ВСТРЕЧА ЗИМЫ

Поутру вчера дождь
В стёкла окон стучал,
Над землёю туман
Облаками вставал.

Веял холод в лицо
От угрюмых небес,
И, бог знает о чём,
Плакал сумрачный лес.

В полдень дождь перестал,
И, что белый пушок,
На осеннюю грязь
Начал падать снежок.

Ночь прошла. Рассвело.
Нет нигде облачка.
Воздух лёгок и чист,
И замёрзла река.

На дворах и домах
Снег лежит полотном
И от солнца блестит
Разноцветным огнём.

На безлюдный простор
Побелевших полей
Смотрит весело лес
Из-под чёрных кудрей,

Словно рад он чему,—
И на ветках берёз,
Как алмазы, горят
Капли сдержанных слёз.

ВСТРЕЧА ЗИМЫ

Поутру вчера дождь
В стёкла окон стучал,
Над землёю туман
Облаками вставал.

Веял холод в лицо
От угрюмых небес,
И, бог знает о чём,
Плакал сумрачный лес.

В полдень дождь перестал,
И, что белый пушок,
На осеннюю грязь
Начал падать снежок.

Ночь прошла. Рассвело.
Нет нигде облачка.
Воздух лёгок и чист,
И замёрзла река.

На дворах и домах
Снег лежит полотном
И от солнца блестит
Разноцветным огнём.

На безлюдный простор
Побелевших полей
Смотрит весело лес
Из-под чёрных кудрей,

Словно рад он чему,—
И на ветках берёз,
Как алмазы, горят
Капли сдержанных слёз.

Здравствуй, гостья-зима!
Просим милости к нам
Песни севера петь
По лесам и степям.

Есть раздолье у нас,—
Где угодно гуляй:
Строй мосты по рекам
И ковры расстилай.

Нам не стать привыкать,—
Пусть мороз твой трещит:
Наша русская кровь
На морозе горит!

Искони¹ уж таков
Православный народ:
Летом, смотришь, жара —
В полушубке идёт;

Жгучий холод пахнул,—
Всё равно для него:
По колени в снегу,
Говорит: «Ничего!»

В чистом поле метель
И крутит и мутит,—
Наш степной мужичок
Едет в санках, кряхтит:

«Ну, соколики, ну!
Выносите, дружки!»
Сам сидит и поёт —
«Не белы-то снежки!»

¹ Искони — издавна.

Да и нам ли, подчас,
Смерть не встретить шутя,
Если к бурям у нас
Привыкает дитя?

Когда мать в колыбель
На ночь сына кладёт,
Под окном для него
Песни вьюга поёт.

И разгул непогод
С ранних лет ему люб,
И растёт богатырь,
Что под бурями дуб.

Рассыпай же, зима,
До весны золотой
Серебро по полям
Нашей Руси святой!

И случится ли к нам
Гость незваный придёт
И за наше добро
С нами спор заведёт,—

Уж прими ты его
На сторонке чужой,
Хмельный пир приготовь,
Гостю песню пропой;

Для постели ему
Белый пух припаси
И метелью засыпь
Его след на Руси!

1821—1877

Николай Алексеевич Некрасов

На берегу Волги, недалеко от города Ярославля, возле села Грешнево, стоял серый, скучный дом, окружённый большим тенистым садом. В этом доме провёл своё детство Николай Алексеевич Некрасов. Детство было невесёлое: отец — помещик, грубый человек — жестоко обращался с крестьянами, притеснял домашних, обижал жену.

Маленький Некрасов не любил отца, боялся его. Он видел, как часто плакала мать от обиды на отца, и очень жалел и любил её. Матери написал он в семь лет свои первые стихи; её вспоминал перед смертью в своих последних песнях. Мальчик часто убегал из мрачного дома к крестьянским ребяташкам, хотя отец и запрещал ему играть с ними. А мать радовалась тому, что мальчик живёт в дружбе с деревенскими ребятами, узнаёт их простую, трудовую жизнь, их печали, радости. Вместе со своими товарищами зимой катался он с гор, играл в снежки, летом ходил в лес по грибы и ягоды. Ему весело, вольно было в лесу, в поле, на берегу Волги.

Мне лепетал любимый лес:
Верь, нет милей родных небес!
Нигде не дышится вольней
Родных лугов, родных полей.

На берегу Волги Некрасов испытал и первое большое горе. В то время вдоль волжских берегов, вверх по реке, бурлаки

тянули баржи с товарами. Это была тяжёлая, изнурительная работа. И вот однажды услышал мальчик, как один бурлак, больной и усталый, говорил, что ему хотелось бы умереть, не дожив до утра. Мальчика поразили эти слова. Позднее он вспомнил об этом жарком, солнечном дне, о бурлаке, «угрюмом, тихом и больном», о своих первых горячих слезах жалости и возмущения:

О, горько, горько я рыдал,
Когда в то утро я стоял
На берегу родной реки
И в первый раз её назвал
Рекою рабства и тоски...

На одиннадцатом году Некрасова отдали в Ярославскую гимназию. Коренастый, небольшого роста, живой, общительный мальчик, он быстро подружился с товарищами. Много читал и особенно любил стихи Пушкина; очень рано и сам начал писать стихи.

Гимназии Некрасов не кончил. В пятом классе он заболел и пролежал несколько месяцев. Ему пошёл семнадцатый год, и отец отправил его в Петербург, в военную школу. Ехал молодой Некрасов в неудобной и тряской ямщицкой телеге, останавливался на каждой станции, подолгу ждал, пока станционный смотритель переменит лошадей. На седьмые сутки он приехал в Петербург. С собой была у него большая тетрадь стихов, которые писал он тайно от всех и мечтал напечатать в Петербурге. В военную школу он решил не поступать — ему хотелось учиться в университете, писать стихи, быть поэтом. Когда отец узнал, что сын не поступил в военную школу, то отказался посылать ему деньги.

Некрасов очутился один в чужом городе, без друзей, без всякой помощи. Он брался за всякую работу: переписывал актёрам роли, писал для газет и журналов стихи, статьи. За работу платили мало. «Я боролся с нищетой, видел лицом к лицу голодную смерть, в двадцать четыре года я уже был надломлен работой из-за куска хлеба», — вспоминал много лет спустя Некрасов.

Но характер у него был упорный, настойчивый; он учился, продолжал писать стихи, познакомился со многими писателями, с великим русским критиком Белинским.

В 1845 году Некрасов написал стихотворение «В дороге». Оно было совсем не похоже на первые его стихи, в которых он только подражал другим, известным поэтам. Это был простой, правдивый и печальный рассказ крепостного крестьянина о его горькой доле. Некрасов прочёл эти стихи Белинскому. «Да знаете ли вы, что вы поэт и поэт истинный?» — сказал Белинский, когда Некрасов кончил читать.

Постепенно Некрасов начал понимать, что писать надо только о том, что близко сердцу, что волнует и мучает писателя. С детства, как говорил сам Некрасов, его мучили «страдания русского мужика от холода, голода и всяких жестокоостей», и часто думал он о несправедливости помещиков. Позднее, в городе, узнал он жизнь городской бедноты, увидел жалкие чердаки и подвалы, где жили оборванцы, голодные ребятишки, которых родители из-за куска хлеба вынуждены были отдавать работать на фабрики.

Прочтите в этой книге стихотворение «В полном разгаре страда деревенская...». Разве можно спокойно читать его? Или вспомните другое стихотворение, которое все вы знаете наизусть, — «Несжатая полоса»; вы видите сумрачный день поздней осени, одинокую, несжатую полосу и знаете, что где-то в бедной избе лежит больной пахарь. Что станет с ним? Как будет он жить?

А вот стихотворение «Генерал Топтыгина». Если подумать хорошенько, история-то совсем не весёлая. Почему так испугался станционный смотритель Топтыгина? Конечно, потому, что он принял его за какого-то важного чиновника или генерала, которые не раз были грубы и жестоки с ним.

Очень много произведений посвятил Некрасов тяжкой жизни людей в царской России. Он стремился писать просто, понятно, потому что хотел писать не только о народе, но и для народа. Русский народный язык он знал превосходно; постоянно вводил в свои стихи народные выражения, прибаутки, пословицы. И стихи его доходили до самого сердца людей и будили в них ненависть к угнетателям, любовь к родине, к её простым и хорошим людям, к её природе. Природу Некрасов любил глубокой, нежной любовью, чувствовал в ней своё, родное, русское. И какие замечательные стихи писал он всегда о русской зиме с её глубокими сугробами снега, о весне, когда «идёт-гудёт Зелёный Шум», о золотых колосьях в поле, о пчёлах, птицах, о животных. Охотник он был неутомимый.

Летом, в деревне, он часто с утра до ночи бродил с ружьём и собакой по лесам и болотам, ночевал в первой попавшейся избе, шалаше, лесной сторожке. Много было у него друзей среди крестьян. Так, например, историю с зайцами рассказал ему старый Мазай из деревни Малые Вежи.

Очень любил Некрасов крестьянских ребятишек. О детях писал он чудесные стихи, некоторые из них вы прочтёте в этой книге. И, вероятно, когда писал он эти стихи, не раз вспоминались ему маленькие друзья его детства.

Некрасов верил в их «славный путь», видел в них светлое будущее своей родины и знал, что настанет время, когда русский народ «проснётся, исполненный сил», и засияет для него солнце свободы. И он говорил: «Важно только одно: любить народ, родину, служить им сердцем и душою».

ЗЕЛЁНЫЙ ШУМ¹

Идёт-гудёт Зелёный Шум,
Зелёный Шум, весенний шум!

Играючи, расходится
Вдруг ветер верховой:
Качнёт кусты ольховые,
Подымет пыль цветочную,
Как облако; всё зелено —
И воздух, и вода!

Идёт-гудёт Зелёный Шум,
Зелёный Шум, весенний шум!

¹ Так народ называет пробуждение природы весной.
(Примеч. Некрасова.)

.
.
Как молоком облитые,
Стоят сады вишнёвые,
Тихохонько шумят;
Пригреты тёплым солнышком,
Шумят повеселелые
Сосновые леса;
А рядом новой зеленью
Лепечут песню новую
И липа бледнолистая,
И белая берёзонька
С зелёною косой!
Шумит тростинка малая,
Шумит высокий клён...
Шумят они по-новому,
По-новому, весеннему...

Идёт-гудёт Зелёный Шум,
Зелёный шум, весенний шум!..

* *
*

Зажгло грозою дерево,
А было соловьиное
На дереве гнездо.
Горит и стонет дерево,
Горят и стонут птенчики:
«Ой, матушка! где ты?
А ты бы нас похолила,
Пока не оперились мы:
Как крылья отрастим,

В долины, в рощи тихие
Мы сами улетим!»
Дотла сгорело дерево,
Дотла сгорели птенчики,
Тут прилетела мать.
Ни дерева... ни гнёздышка...
Ни птенчиков!.. Поёт-зовёт...
Поёт, рыдает, кружится,
Так быстро, быстро кружится,
Что крылышки свистят!..
Настала ночь, весь мир затих,
Одна рыдала пташечка,
Да мёртвых не докликалась
До белого утра!..

СОЛОВЬИ

Качая младшего сынка,
Крестьянка старшим говорила:
«Играйте, детушки, пока!
Я сарафан почти дошила;

Сейчас бурёнку обряжу,
Коня навяжем травку кушать,
И вас в ту рощицу свожу —
Пойдём соловушек послушать.

Там их, что в кузове груздей,—
Да не мешай же мне, проказник! —
У нас нет места веселей;
Весною, дети, каждый праздник

По вечерам туда идут
И стар и молод. На поляне
Девицы красные поют,
Гуторят¹ пьяные крестьяне.

А в роще, милые мои,
Под разговор и смех народа
Поют и свищут соловьи
Звончей и слаще хоровода!

И хорошо и любо всем...
Да только — (Клим, не трогай Сашу!) —
Чуть-чуть соловушки совсем
Не разлюбили рощу нашу:

Ведь наш-то курский соловей
В цене, — тут много их ловили,
Ну, испугались сетей,
Да мимо нас и прокатили!

Пришла, рассказывал наш дед,
Весна, а роща, как немая,
Стоит — гостей залётных нет!
Взяла крестьян тоска большая.

Уж вот и праздник наступил
И на поляне погуляли,
Да праздник им не в праздник был!
Крестьяне бороды чесали.

И положили меж собой —
Умел же бог на ум наставить —
На той поляне, в роще той
Сетей, силков вовек не ставить.

¹ Гутбрить — говорить, разговаривать.

И понемногу соловьи
Опять привыкли к роще нашей,
И нынче, милые мои,
Им места нет любей и краше!

Туда с сетями сколько лет
Никто и близко не подходит,
И строго-настрого запрет
От деда к внуку переходит.

Зато весной весь лес гремит!
Что день, то новый хор прибудет. .
Под песни их деревня спит,
Их песня нас поутру будит...

Запомнить надобно и вам,
Избави бог тут ставить сети!
Ведь надо ж бедным соловьям
Дать где-нибудь и отдых, дети...»

Середний сын кота дразнил,
Меньшой полз матери на шею,
А старший с важностью спросил,
Кубарь пуская перед нею:

— А есть ли, мама, для людей
Такие рощицы на свете? —
«Нет, мест таких... без податей¹
И без рекрутчины² нет, дети.

А если б были для людей
Такие роши и полянки,
Все на руках своих детей
Туда бы отнесли крестьянки...»

¹ Пóд а т и — налоги на крестьян при царском правительстве.

² Р е к р у т ч и н а — воинская повинность в старой России.

КРЕСТЬЯНСКИЕ ДЕТИ

Ух, жарко!.. До полдня грибы собирали.
Вот из лесу вышли — навстречу как раз
Синеющей лентой, извилистой, длинной,
Река луговая: прыгнули гурьбой,
И русых головок над речкой пустынной,
Что белых грибов на полянке лесной!
Река огласилась и смехом, и воем:
Тут драка — не драка, игра — не игра...
А солнце палит их полуденным зноем.
Домой, ребятишки! обедать пора.
Вернулись. У каждого полно лукошко,
А сколько рассказов! Попался косой,
Поймали ежа, заблудились немножко
И видели волка... у, страшный какой!
Ежу предлагают и мух, и козявок,
Корней молочко ему отдал своё —
Не пьёт! отступились...

Кто ловит пиявок

На лаве¹, где матка колотит бельё,
Кто нянчит сестрёнку, двухлетнюю Глашку,
Кто тащит на пожню² ведёрко кваску,
А тот, подвязавши под горло рубашку,
Таинственно что-то чертит по песку;
Та в лужу забилась, а эта с обновой:
Сплела себе славный веноч,
Всё беленький, жёлтенький, бледно-лиловый,
Да изредка красный цветок.
Те спят на припёке, те пляшут вприсядку.
Вот девочка ловит лукошком лошадку³:
Поймала, вскочила и едет на ней.
И ей ли, под солнечным зноем рождённой
И в фартуке с поля домой принесённой,
Бояться смиренной лошадки своей?..

Грибная пора отойти не успела,
Гляди — уж чернѣхоньки губы у всех,
Набили оскому: черница⁴ поспела!
А там и малина, брусника, орех!
Ребяческий крик, повторяемый эхом,
С утра и до ночи гремит по лесам.
Испугана пеньем, ауканьем, смехом,
Взлетит ли тетеря, закокав птенцам,
Зайчонок ли вскочит — содом⁵, суматоха!
Вот старый глухарь с обливальным крылом
В кусту завозился... ну, бедному плохо!
Живого в деревню тащат с торжеством...

¹ Л а в а — деревянные мостки на реке или на пруду.

² П о ж н я — луг, покос.

³ Л о в и т л у к о ш к о м л о ш а д к у — приманивает лукошком с овсом лошадь, пасущуюся на лугу.

⁴ Ч е р н и ц а — черника.

⁵ С о д о м — беспорядок, сильный шум.

МУЖИЧОК С НОГОТОК

Однажды, в студёную зимнюю пору,
Я из лесу вышел; был сильный мороз.
Гляжу, поднимается медленно в гору
Лошадка, везущая хворосту воз.
И, шествуя важно, в спокойствии чинном,
Лошадку ведёт под уздцы мужичок
В больших сапогах, в полушубке овчинном,
В больших рукавицах... а сам с ноготок!
— Здорово, парнище! — «Ступай себе мимо!»
— Уж больно ты грозен, как я погляжу!
Откуда дровишки? — «Из лесу, вестимо;
Отец, слышишь, рубит, а я отвожу».
(В лесу раздавался топор дровосека.)
— А что, у отца-то большая семья? —
«Семья-то большая, да два человека
Всего мужиков-то: отец мой да я...»
— Так вон оно что! А как звать тебя? — «Власом».
— А кой тебе годик? — «Шестой миновал...
Ну, мёртвая!» — крикнул малюточка басом,
Рванул под уздцы и быстрее зашагал.

ШКОЛЬНИК

— Ну, пошёл же, ради бога!
Небо, ельник и песок —
Невесёлая дорога...
Эй! садись ко мне, дружок!

Ноги босы, грязно тело
И едва прикрыта грудь...
Не стыдися! что за дело?
Это многих славных путь.

Вижу я в котомке книжку.
Так, учиться ты идёшь...
Знаю: батька на сынишку
Издержал последний грош.

Знаю: старая дьячиха
Отдала четвертачок,

Что проезжая купчиха
Подарила на чаёк.

Или, может, ты дворовый
Из отпущенных?..¹ Ну что ж!
Случай тоже уж не новый —
Не робей, не пропадёшь!

Скоро сам узнаешь в школе,
Как архангельский мужик²
По своей и божьей воле
Стал разумен и велик.

Не без добрых душ на свете —
Кто-нибудь свезёт в Москву,
Будешь в университете —
Сон свершится наяву!

Там уж поприще широко³:
Знай работай да не трусь...
Вот за что тебя глубоко
Я люблю, родная Русь!

Не бездарна та природа,
Не погиб ещё тот край,
Что выводит из народа
Столько славных то и знай,—

¹ Отпущенный дворовый — крепостной слуга, отпущенный барин на волю.

² Архангельский мужик — Михаил Васильевич Ломоносов, великий русский учёный и писатель, крестьянин Архангельской губернии.

³ Поприще широко — широкий простор для работы.

Столько добрых, благородных,
Сильных любящей душой,
Посреди тупых, холодных
И напыщенных собой!

* *
*

В полном разгаре страда ¹ деревенская...
Доля ты! — русская долюшка женская!
Вряд ли труднее сыскать.

Не мудрено, что ты вянешь до времени.
Всевыносящего русского племени
Многострадальная мать!

Зной нестерпимый: равнина безлесная,
Нивы, покосы да ширь поднебесная —
Солнце нещадно палит.

Бедная баба из сил выбивается,
Столб насекомых над ней колыхается,
Жалит, щекочет, жужжит!

Приподнимая косулю ² тяжёлую,
Баба порезала ноженьку голую —
Некогда кровь унимать!

Слышится крик у соседней полосыньки,
Баба туда — растрепалися косыньки, —
Надо ребёнка качать!

¹ Страда́ — тяжёлая летняя работа в период косьбы и жатвы.

² Косу́ля — соха.

Что же ты стала над ним в отупении?
Пой ему песню о вечном терпении,
Пой, терпеливая мать!..

Слёзы ли, пот ли у ней над ресницею,
Право, сказать мудрено.
В жбан этот, зяткнутый грязной тряпницею,
Канут они — всё равно!

Вот она губы свои опалённые
Жадно подносит к краям...
Вкусны ли, милая, слёзы солёные
С кислым кваском пополам?..

НЕСЖАТАЯ ПОЛОСА

Поздняя осень. Грачи улетели,
Лес обнажился, поля опустели,

Только не сжата полоска одна...
Грустную думу наводит она.

Кажется, шепчут колосья друг другу:
«Скучно нам слушать осеннюю выюгу,

Скучно склоняться до самой земли,
Тучные зёрна купая в пыли!

Нас, что ни ночь, разоряют станицы¹
Всякой пролётной прожорливой птицы,

Заяц нас топчет, и буря нас бьёт...
Где же наш пахарь? чего ещё ждёт?

Или мы хуже других уродились?
Или не дружно цвели-колосились?

Нет! мы не хуже других — и давно
В нас налилось и созрело зерно.

Не для того же пахал он и сеял,
Чтобы нас ветер осенний развеял?..»

Ветер несёт им печальный ответ:
— Вашему пахарю моченьки нет.

Знал, для чего и пахал он, и сеял,
Да не по силам работу затеял.

Плохо бедняге — не ест и не пьёт,
Червь ему сердце большое сосёт,

Руки, что вывели борозды эти,
Высохли в щепку, повисли, как плети,

Очи потускли и голос пропал,
Что заунывную песню певал,

Как, на соху налегая рукою,
Пахарь задумчиво шёл полосою.

¹ Станицы — здесь: стан.

МОРОЗ-ВОЕВОДА

Не ветер бушует над бором,
Не с гор побежали ручьи,
Мороз-воевода¹ дозором
Обходит владенья свои.

Глядит — хорошо ли метели
Лесные тропы занесли,
И нет ли где трещины, щели,
И нет ли где голой земли?

Пушисты ли сосен вершины,
Красив ли узор на дубах?
И крепко ли скованы льдины
В великих и малых водах?

Идёт — по деревьям шагает,
Трещит по замёрзлой воде,
И яркое солнце играет
В косматой его бороде...

Забравшись на сосну большую,
По веточкам палицей бьёт
И сам про себя удалую,
Хвастливую песню поёт:

«Метели, снега и туманы
Покорны морозу всегда,
Пойду на моря-окияны —
Построю дворцы изо льда.

¹ Воевода — начальник города или края в Древней Руси.

Задумаю — реки большие
Надолго упрячу под гнёт,
Построю мосты ледяные,
Каких не построит народ.

Где быстрые, шумные воды
Недавно свободно текли, —
Сегодня прошли пешеходы,
Обозы с товаром прошли...

.
Богат я, казны не считаю,
А всё не скудеет добро;
Я царство моё убираю
В алмазы, жемчуг, серебро».

ДЕДУШКА МАЗАЙ И ЗАЙЦЫ

1

В августе, около «Малых Вежей»,
С старым Мазаем я бил дупелей.

Как-то особенно тихо вдруг стало,
На небе солнце сквозь тучу играло.

Тучка была небольшая на нём,
А разразилась жестоким дождём!

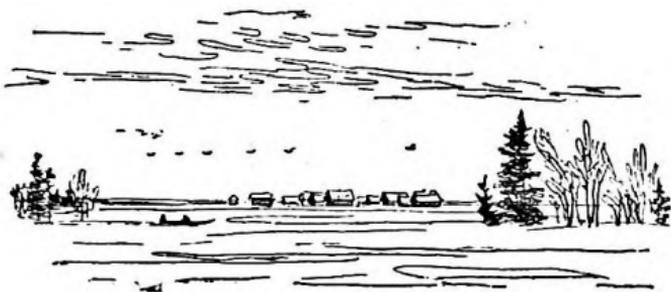
Прямы и светлы, как прутья стальные,
В землю вонзались струй дождевые

С силой стремительной... Я и Мазай,
Мокрые, скрылись в какой-то сарай.

Дети, я вам расскажу про Мазая.
Каждое лето домой приезжая,

Я по неделе гощу у него.
Нравится мне деревенька его:

Летом её убирая красиво,
Исстари хмель в ней родится на диво.

Вся она тонет в зелёных садах;
Домики в ней на высоких столбах

(Всю эту местность вода понимает¹,
Так что деревня весною всплывает,

Словно Венеция²). Старый Мазай
Любит до страсти свой низменный край.

Вдов он, бездетен, имеет лишь внука,
Торной³ дорогой ходить ему — скука!

¹ Вода понимает — вода заливает во время весеннего разлива рек.

² Венеция — город в Италии; расположен на небольших островах; в городе вместо улиц много каналов.

³ Торная — проторённая, гладкая, ровная.

За сорок вёрст в Кострому напрямом
Сбегать лесами ему нипочём:

«Лес не дорога: по птице, по зверю
Выпалить можно». — А леший? — «Не верю!

Раз в кураже¹ я их звал-поджидал
Целую ночь — никого не видал!

За день грибов насобираешь корзину,
Ешь мимоходом бруснику, малину;

Вечером пеночка нежно поёт,
Словно как в бочку пустую угод²

Ухает; сыч³ разлетается к ночи,
Рожки точёны, рисованы очи.

Ночью... ну ночью робел я и сам:
Очень уж тихо в лесу по ночам.

Тихо, как в церкви, когда отслужили
Службу и накрепко дверь затворили, —

Разве какая сосна заскрипит,
Словно старуха во сне проворчит...»

Дня не проводит Мазай без охоты.
Жил бы он славно, не знал бы заботы,

¹ В кураже — расхрабившись.

² Угод — птица с пёстрым оперением, веерообразным хохлом и длинным изогнутым клювом.

³ Сыч — ночная птица из семейства совиных.

Кабы не стали глаза изменять:
Начал частенько Мазай пуделять¹

Впрочем, в отчаянье он не приходит:
Выпадет дедушка,— заяц уходит,

Дедушка пальцем косому грозит:
«Врёшь — упадёшь!» — добродушно кричит.

Знает он много рассказов забавных
Про деревенских охотников славных:

Кузя сломал у ружьишка курок,
Спичек таскает с собой коробок,

Сядет за кустом — тетерю подманит,
Спичку к затравке приложит — и грянет!

Ходит с ружьишком другой зверолов,
Носит с собою горшок угольков.

«Что ты таскаешь горшок с угольками?»
— Больно, родимый, я зябок руками;

Ежели зайца теперь сослежу,
Прежде я сяду, ружьё положу,

Над уголёчками руки погрею
Да уж потом и палю по злодею! —

«Вот так охотник!» — Мазай прибавлял.
Я, признаюсь, от души хохотал.

¹ Пуделять — стрелять мимо цели, делать при стрельбе промахи.

Впрочем, милей анекдотов крестьянских
(Чем они хуже, однако, дворянских?).

Я от Мазая рассказы слышал.
Дети, для вас я один записал...

2

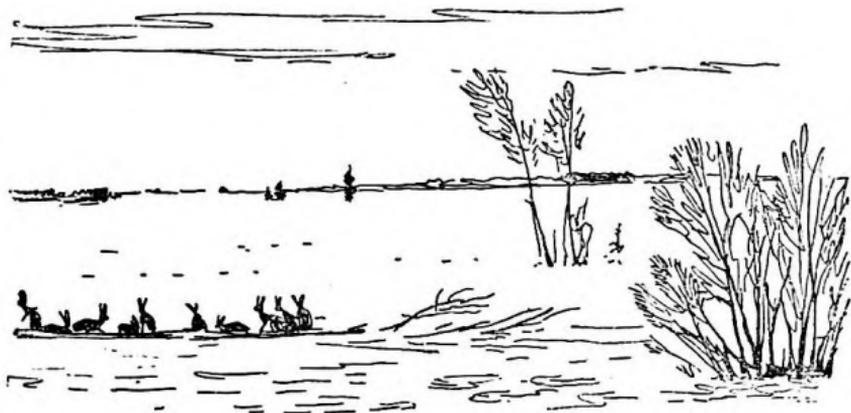
Старый Мазай разболтался в сарае:
«В нашем болотистом, низменном крае
Впятеро больше бы дичи велось,
Кабы сетями её не ловили,
Кабы силками её не давили;
Зайцы вот тоже,— их жалко до слёз!
Только весенние воды нахлынут,
И без того они сотнями гинут¹,—
Нет! ещё мало! бегут мужики,
Ловят, и топят, и бьют их баграми.
Где у них совесть?.. Я раз за дровами
В лодке поехал — их много с реки
К нам в половодье весной нагоняет,—
Еду, ловлю их. Вода прибывает.
Вижу один островок небольшой —
Зайцы на нём собралися гурьбой.
С каждой минутой вода подбиралась
К бедным зверкам; уж под ними осталось
Меньше аршина земли в ширину,
Меньше сажени в длину.
Тут я подъехал: лопочут ушами,
Сами ни с места; я взял одного,
Прочим скомандовал: прыгайте сами!
Прыгнули зайцы мои,— ничего!

¹ Г и н у т — гибнут.

Только уселась команда косая,
Весь островочек пропал под водой.
«То-то! — сказал я: — не спорьте со мной!
Слушайтесь, зайчики, деда Мазая!»
Этак гуторя, плывём в тишине.
Столбик не столбик, зайчишко на пне,
Лапки скрестивши стоит, горемыка,
Взял и его — тягота не велика!
Только что начал работать веслом,
Глядь, у куста копошится зайчиха —
Еле жива, а толста, как купчиха!
Я её, дуру, накрыл зипуном¹ —
Сильно дрожала... Не рано уж было.
Мимо бревно суковатое плыло,
Сидя, и стоя, и лёжа пластом,
Зайцев с десятков спасалось на нём.

¹ З и п у н — крестьянская одежда из грубого сукна.

«Взял бы я вас — да потопите лодку!»
Жаль их, однако, да жаль и находку —
Я зацепился багром за сучок
И за собою бревно поволок...

Было потехи у баб, ребяташек,
Как прокатил я деревней зайчишек:
«Глянь-ко: что делает старый Мазай!»
Ладно! любуйся, а нам не мешай!
Мы за деревней в реке очутились.
Тут мои зайчики точно сбесились:
Смотрят, на задние лапы встают,
Лодку качают, грести не дают:
Берег завидели плуты косые,
Озимь, и рощу, и кусты густые!..
К берегу плотно бревно я пригнал,
Лодку причалил — и «с богом!» сказал...

И во весь дух
Пошли зайчишки.
А я им: «У-ух!
Живей, зверишки!
Смотри, косой,
Теперь спасайся,
А чур — зимой
Не попадайся!
Прицелюсь — бух!
И ляжешь... Ууу-х!..»

Мигом команда моя разбежалась,
Только на лодке две пары осталось —
Сильно измокли, ослабли; в мешок
Я их поклат — и домой приволок.
За ночь больные мои отогрелись,
Высохли, выпались, плотно наелись,
Вынес я их на лужок; из мешка
Вытряхнул, ухнул — и дали стречка!
Я проводил их всё тем же советом:
«Не попадайтесь зимой!»
Я их не бью ни весной, ни летом:
Шкура плохая — линяет косой!..»

ГЕНЕРАЛ ТОПТЫГИН

Дело под вечер, зимой,
И морозец знатный.
По дороге столбовой
Едет парень молодой,
Ямщикок обратный¹;
Не спешит, трусит слегка;
Лошади не слабы,
Да дорога не гладка —
Рытвины, ухабы.
Нагоняет ямщикок
Вожака с медведем².

¹ Ямщикок обратный.— В старину не было железных дорог, и путешественников возили ямщики на лошадях. Ямщикок обратный— ямщик, возвращающийся на свою станцию.

² Вожак с медведем.— В старину водили прирученных медведей, которые плясали на потеху зрителям.

«Посади нас, паренёк,
Веселей доедем!»
— Что ты, с мишкой? — «Ничего!
Он у нас смиренный,
Лишний шкалик за него
Поднесу, почтенный!»
— Ну, садитесь! — Посадил
Бородач медведя,
Сел и сам — и потрусил
Полегоньку Федя...
Видит Трифон кабачок,
Приглашает Федю.
«Положди ты нас часок!» —
Говорит медведю.
И пошли. Медведь смирён,
Видно, стар годами,
Только лапу лижет он
Да звенит цепями...

Час проходит; нет ребят,
То-то выпьют лихо!
Но привычные стоят
Лошадёнки тихо.

Свечерело. Дрожь в конях,
Стужа злее на ночь;
Заворочался в санях
Михайло Иваныч,
Кони дёрнули; стряслась
Тут беда большая —
Рявкнул мишка! — понеслась
Тройка, как шальная!

Колокольчик услышал,
Выбежал Федюха,

Да напрасно — не догнал!
Экая поруха!

Быстро, бешено неслась
Тройка — и не диво:
На ухабе всякий раз
Зверь рычал ретиво;
Только стон кругом стоял:
«Очищай дорогу!
Сам Топтыгин генерал
Едет на берлогу!»

Вздогнет встречный мужичок,
Жутко станет бабе,
Как мохнатый седочок
Рявкнет на ухабе.
А коням подавно страх —
Не передохнули!
Вёрст пятнадцать на весь мах
Бедные отдули!

Прямо к станции летит
Тройка удалая.
Проезжающий сидит,
Головой мотая:
Ладит вывернуть кольцо.
Вот и стала тройка;
Сам смотритель¹ на крыльцо
Выбегает бойко.
Видит, ноги в сапогах
И медвежья шуба,

¹ Смотритель — начальник почтовой станции, где про-
езжие останавливались для смены лошадей.

Не заметил впопыхах,
Что с железом губа,
Не подумал: где ямщик
От коней гуляет?
Видит — барин-материк¹,
«Генерал», — смекает.
Поспешил фуражку снять:
«Здравия желаю!
Что угодно приказать,
Водки или чаю?..»
Хочет барину помочь
Юркий старичишка;
Тут во всю медвежью мочь
Заревел наш мишка!
И смотритель отскочил:
«Господи помилуй!
Сорок лет я прослужил
Верой, правдой, силой;
Много видел на тракту²
Генералов строгих,
Нет ребра, зубов во рту
Не хватает многих,
А такого не видал,
Господи Исусе!
Небывалый генерал,
Видно, в новом вкусе!..»

Прибежали ямщики,
Подивились тоже;
Видят — дело не с руки,
Что-то тут негоже!

¹ Барин-материк — барин матерый, то есть важный, богатый.

² Т р а к т — большая проезжая дорога.

Собрался честной народ,
Всё село в тревоге:
«Генерал в санях ревёт,
Как медведь в берлоге!»
Трус бежит, а кто смелей,
Тс — потехе ради¹,
Жмутся около саней;
А смотритель сзади.
Струсил, издали кричит:
«В избу не хотите ль?»
Мишка вновь как зарычит...
Убежал смотритель!
Оробел и убежал
И со всею свитой...

Два часа в санях лежал
Генерал сердитый.
Прибежали той порой
Ямщик и вожатый;
Вразумил народ честной
Трифон бородатый
И Топтыгина прогнал
Из саней дубиной...
А смотритель обругал
Ямщика скотиной...

¹ Потехе ради — потехе рады.

ПЕРЕД ДОЖДЕМ

Заунывный ветер гонит
Стаю туч на край небес.
Ель надломленная стонет,
Глухо шепчет тёмный лес.

На ручей, рябой и пёстрый,
За листком летит листок,
И струёй, сухой и острой,
Набегает холодок.

Полумрак на всё ложится;
Налетев со всех сторон,
С криком в воздухе кружится
Стая галок и ворон.

Над проезжей таратайкой
Спущен верх, перёд закрыт;
И «пошёл!» — привстав с нагайкой,
Ямщику жандарм кричит...

~~18~~

1803 - 1873

~~18~~

Фёдор Иванович Тютчев

После долгой-долгой зимы, когда в полях ещё белеет снег, а в небе уже запевают первые жаворонки, невольно вспоминаются знакомые с детства и такие милые сердцу строки:

Весна идёт, весна идёт —
И тихих, тёплых майских дней
Румяный, светлый хоровод
Толпится весело за ней!

Эти стихи более ста лет назад написал поэт Фёдор Иванович Тютчев, а мы читаем их сейчас, и нам кажется, что только такими простыми, точными и задушевными словами можно говорить о весне, о первых грозах, о прозрачных днях «осени первоначальной» — о родной русской природе.

Тютчев родился и вырос в деревне, в имении своего отца возле села Овстуг, Орловской губернии. Рано научился он любить природу и «дышать с природой одной жизнью», как говорил он позднее. Когда мальчику пошёл десятый год, к нему пригласили учителя — Семёна Егоровича Раича. Раич очень привязался к своему ученику, да и нельзя было не любить его. Это был ласковый, спокойный, очень талантливый мальчик. Раич — человек хорошо образованный, поэт, переводчик — первый пробудил в своём ученике любовь к поэзии. Он научил его понимать литературу, поощрял его желание писать стихи.

В пятнадцать лет Тютчев уже был студентом Московского университета. На восемнадцатом году он прекрасно окончил университет и через несколько месяцев уехал на службу в русское посольство за границу.

Двадцать два года прожил он в чужих краях, вдали от родины, но не переставал думать о ней, посвящать ей свои стихи. «Я более всего любил в мире отечество и поэзию», — писал Тютчев в одном из писем с чужбины.

Но стихов своих Тютчев почти не печатал, и очень долго имя его, как поэта, было неизвестно в России. Однажды один из друзей Тютчева передал Пушкину тетрадь его стихов. Пушкину стихи очень понравились, и он напечатал их в журнале «Современник», который тогда издавал.

Это было в 1836 году. С тех пор стихи Тютчева стали появляться в «Современнике», который тогда широко расхвалился по всей России. А отдельной книжкой они вышли только в 1854 году. Книжка была маленькая, скромная; в ней было всего сто стихотворений, но о ней сразу все заговорили — такие там были прекрасные стихи.

Тютчев оставил нам небольшое литературное наследство — немного больше трёхсот стихотворений. Но, как справедливо сказал поэт Афанасий Афанасьевич Фет, небольшая книжка стихов Тютчева была «томов премногих тяжелей».

* *
*

Зима недаром злится,
Прошла её пора —
Весна в окно стучится
И гонит со двора.

И всё засуетилось,
Всё нудит зиму вон¹ —
И жаворонки в небе
Уж подняли трезвон.

Зима ещё хлопочет
И на весну ворчит.
Та ей в глаза хохочет
И пуще лишь шумит...

Взбесилась ведьма злая
И, снегу захватя,
Пустила, убегая,
В прекрасное дитя...

Весне и горя мало:
Умылася в снегу
И лишь румяней стала,
Наперекор врагу.

¹ Пудит зиму вон — вынуждает, заставляет зиму уйти.

ВЕСЕННИЕ ВОДЫ

Ещё в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят —
Бегут и будят сонный брег,
Бегут, и блещут, и гласят...

Они гласят во все концы:
«Весна идёт, весна идёт!
Мы молодой весны гонцы,
Она нас выслала вперёд».

Весна идёт, весна идёт —
И тихих, тёплых майских дней
Румяный, светлый хоровод
Толпится весело за ней!

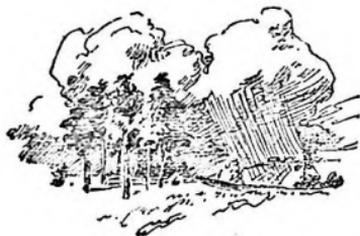
ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.

Гремят раскаты молодые,
Вот дождик брызнул, пыль летит,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит.

С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,
И гам лесной и шум нагорный —
Всё вторит весело громам.

* *
*

Неохотно и несмело
Солнце смотрит на поля.
Чу, за тучей прогремело,
Принахмурилась земля.

Ветра тёплого порывы,
Дальний гром и дождь порой...
Зеленеющие нивы
Зеленее под грозой.

Вот пробилась из-за тучи
Синей молнии струя —
Пламень белый и летучий
Окаймил её края.

Чаще капли дождевые,
Вихрем пыль летит с полей,
И раскаты громовые
Всё сердитей и смелей.

Солнце раз ещё взглянуло
Исподлобья на поля —
И в сиянье потонула
Вся смятенная земля.

Л И С Т Ъ Я

Пусть сосны и ели
Всю зиму торчат,
В снега и метели
Закутавшись, спят.
Их тощая зелень,
Как иглы ежа,
Хоть ввек не желтеет,
Но ввек не свежа.

Мы ж, лёгкое племя,
Цветём и блестим
И краткое время
На сучьях гостим.
Всё красное лето
Мы были в красе —
Играли с лучами,
Кунались в росе!..

Но птички отпели,
Цветы отцвели,
Луга побледнели,
Зефиры¹ ушли.
Так что же нам даром
Висеть и желтеть?
Не лучше ль за ними
И нам улететь!

О буйные ветры,
Скорее, скорей!
Скорей нас сорвите
С докучных ветвей!

¹ Зефиры — южные тёплые ветры.

Сорвите, умчите,
Мы ждать не хотим...
Летите, летите!
Мы с вами летим!..

* *
*

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора —
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера...

Где бодрый серп гулял и падал колос,
Теперь уж пусто всё — простор везде,
Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде.

Пустеет воздух, птиц не слышно боле,
Но далеко ещё до первых зимних бурь —
И льётся чистая и тёплая лазурь
На отдыхающее поле...

* *
*

Песок сыпучий по колени..
Мы едем поздно; меркнет день,
И сосен по дороге тени
Уже в одну слились тень.

Черней и чаще бор глубокий..
Какие грустные места!..
Ночь хмурая, как зверь стокий,
Глядит из каждого куста.

1825--1893

Алексей Николаевич Плещеев

Ранним утром 22 декабря 1849 года по улицам Петербурга двигался длинный ряд карет. Каждую карету сопровождали четыре конных жандарма с шашками наголо. Досхав до Семёновской площади, кареты остановились. Посреди площади стоял высокий эшафот — место казни, обтянутое чёрным сукном. Из карет одного за другим выводили людей и вели на эшафот — их должны были казнить. На них надели белые длинные саваны с капюшонами и длинными рукавами, уже раздался барабанный бой, как вдруг к эшафоту подъехал офицер с царским приказом: смертную казнь заменить ссылкой.

В чём же обвиняли этих людей? За что их приговорили к смертной казни? За то, что все они горячо любили свою родину, ненавидели самодержавие, крепостное право, очень хотели, чтобы в России хорошо жилось народу. Это были молодые люди: писатели, студенты, офицеры, чиновники — члены кружка М. В. Петрашевского, у которого они собирались каждую пятницу. По фамилии Петрашевского членов кружка стали позднее называть петрашевцами. Собrania их были тайными — царское правительство преследовало такие кружки. На пятницах у Петрашевского читали запрещённые книги, смело, открыто говорили о том, как бороться с самодержавием, с крепостным правом.

Царская полиция узнала о кружке Петрашевского; члены кружка были арестованы, их посадили в тюрьму, где они просидели восемь месяцев, и вот теперь они стояли на эшафоте. Среди петрашевцев был и поэт Алексей Николаевич Плещеев. Ему было двадцать четыре года, он уже печатал свои стихи в журналах и выпустил небольшой сборник стихов.

Плещеева сослали в Оренбургский край. Восемь лет провёл он в ссылке. Он очень тосковал, мало писал, и только книги, которые ему разрешали выписывать, помогли ему преодолеть тяжесть и скуку ссылочных лет.

В 1859 году Плещеев вернулся из ссылки. Он жил то в Москве, то в Петербурге. Познакомился и подружился со многими писателями, сам стал печататься. Кроме стихов, он писал рассказы, повести, переводил на русский язык стихи украинского поэта Шевченко.

Много стихотворений написал Плещеев специально для детей.

Он печатал их в журнале «Детское чтение» и в других детских журналах, а потом издал отдельной книжкой, которую назвал «Подснежник». В этих стихах рассказывал Плещеев о том, как весело шумят весной деревья, как интересно ловить рыбу, слушать рассказы седого лесника, учиться в школе, много знать.

Писателям, которые в его время создавали книги для детей, он говорил так: «Помните, что маленькие читатели — будущие строители жизни русской. Научите их любить добро, родину, помнить свой долг перед народом».

ВЕСНА

Уж тает снег, бегут ручьи,
В окно повеяло весною...
Засвищут скоро соловьи,
И лес оденется листвою!

Чиста небесная лазурь,
Теплей и ярче солнце стало;
Пора метелей злых и бурь
Опять надолго миновала.

И сердце сильно так в груди
Стучит, как будто ждёт чего-то,
Как будто счастье впереди
И унесла зима заботы!

Все лица весело глядят.
«Весна!» — читаешь в каждом взоре;
И тот, как празднику, ей рад,
Чья жизнь — лишь тяжкий труд и горе.

Но резвых деток звонкий смех
И беззаботных птичек пенье
Мне говорят, кто больше всех
Природы любит обновленье!

МОЙ САДИК

Как мой садик свеж и зелен!
Распустилась в нём сирень;
От черёмухи душистой
И от лип кудрявых тень...

Правда, нет в нём бледных лилий,
Горделивых георгин,
И лишь пёстрые головки
Возвышает мак один.

Да подсолнечник у входа,
Словно верный часовой,
Сторожит себе дорожку,
Всю поросшую травой...

Но люблю я садик скромный:
Он душе моей милей
Городских садов унылых,
С тенью правильных аллей.

И весь день, в траве высокой
Лёжа, слушать бы я рад,
Как заботливые пчёлы
Вкруг черёмухи жужжат.

* *

*

Деревья весело шумели,
Когда вернулась к ним весна;
И только ель одна меж ними
Была безмолвна и мрачна.

Деревья жалобно шумели,
Когда настали холода;
Лишь ель молчала равнодушно
И зеленела, как всегда.

НА БЕРЕГУ

Домик над рекою,
В окнах огонёк,
Светлой полосой
На воду он лёг.

В доме не дождутся
С ловли рыбака:
Обещал вернуться
Через два денька.

Но прошёл и третий,
А его всё нет...
Ждут напрасно дети,
Ждёт и старый дед.

Всех нетерпеливей
Ждёт его жена,
Ночи молчаливей
И, как холст, бледна.

Вот за ужин сели,
Ей не до еды.
«Как бы в самом деле
Не было беды!..»

Вдоль реки несётся
Лодочка, на ней
Песня раздаётся
Всё слышней, слышней.

Звуки той знакомой
Песни услышав,
Дети вон из дому
Бросились стремглав.

Весело вскочила
Из-за прялки мать,
И у деда сила
Вдруг нашлась бежать.

Песню заглушает
Звонкий крик ребят;
Тщетно унимает
Старый дед внучат.

Вот и воротился,
Весел и здоров!..
В рассказы пустился
Тотчас про улов:

В мёрды¹ он и в сети
Наловил всего;

¹ Мёрда — плетёнка из ивовых прутьев для ловли рыбы.

С любопытством дети
Слушают его.

Смотрит дед на шуку —
«Больно велика!»
Мать сынишке в руку
Сует окунька.

Девочка присела
Около сетей
И взяла несмело
Парочку ершей.

Прыгают, смеются
Детки, если вдруг
Рыбки встрепенутся,
Выскользнут из рук.

Долго раздавался
Смех их над рекой;
Ими любовался
Месяц золотой.

Ласково мерцали
Звёзды с вышины;
Детям обещали
Радостные сны.

СТАРИК

У лесной опушки домик небольшой
Посещал я часто прошлую весной.

В том домишке бедном жил седой лесник.
Памятен мне долго будешь ты, старик.

Как приходу гостя радовался ты!
Вижу как теперь я добрые черты...

Вижу я улыбку на лице твоём —
И морщинкам мелким нет числа на нём!

Вижу армячишко рваный на плечах,
Шапку на затылке, трубочку в зубах;

Помню смех твой тихий, взгляд потухших глаз,
О житье минувшем сбивчивый рассказ.

По лесу бродили часто мы вдвоём;
Старику там каждый кустик был знаком.

Знал он, где какая птичка гнёзда вьёт,
Просеки, тропинки знал наперечёт.

А какой охотник был до соловьёв!
Всю-то ночь, казалось, слушать он готов,

Как в зелёной чаше песни их звучат;
И ещё любил он маленьких ребят.

На своём крылечке сидя каждый день,
Ждёт, бывало, деток он из деревень.

Много их сбегалось к деду вечером;
Щебетали, словно птички перед сном:

«Дедушка, голубчик, сделай мне свисток».
«Дедушка, найди мне беленький грибок».

«Ты хотел мне нынче сказку рассказать».
«Посулил ты белку, дедушка, поймать».

— Ладно, ладно, детки, дайте только срок,
Будет вам и белка, будет и свисток!

И, смеясь, рукою дряхлой гладил он
Детские головки, белые как лён.

Ждал поры весенней с нетерпеньем я:
Думал, вот приеду снова в те края

И отправлюсь к другу старому скорей.
Он навстречу выйдет с трубочкой своей

И начнёт о сельских новостях болтать,
По лесу бродить с ним будем мы опять,

Слушая, как в чаще свищут соловьи...
Но, увы! желанья не сбылись мои.

Как с деревьев падать начал лист сухой,
Смерть подкралась к деду тихую стопой.

Одинок, угас он в домике своём,
И горюют детки больше всех по нём.

«Кто поймает белку, сделает свисток?»
Долго будет мил им добрый старичок.

И где спит теперь он непробудным сном,
Часто голоса их слышны вечером...

НИЩИЕ

В удушливый зной по дороге
Оборванный мальчик идёт;
Изрезаны камнями ноги,
Струится с лица его пот.

В походке, в движениях, во взоре
Нет резвости детской следа;
Сквозит в них тяжёлое горе,
Как в рубище ветхом пужда.

Он в город ходил наниматься
К богатым купцам в батраки;
Да взять-то такого боятся:
Тщедушный батрак не с руки.

Один он... Свезли на кладбище
Вчера его старую мать.
С сумою под окнами пищу
Приходится, видно, собирать...

Карета шестёркой несётся;
За нею пустился он вслед,
Но голос внутри раздаётся:
«Вот я тебе дам, дармод!»

Сурово лакейские лица
Взглянули при возгласе том,
И жирный господский возница
Стегнул попрошайку кнутом.

И прочь отскочил он без крика,
Лишь сладить не мог со слезой...

И дальше пошёл горемыка,
Поникнув на грудь головой.

Усталый и зноем томимый,
Он в роще дубовой прилёг
И видит: с котомкою мимо
Плетётся седой старичок.

«Здорово, парнишка! Откуда?
Умаялся? Хворенький, знать?» —
«Из города, дедушка. Худо
Мне больно». — «Не хлеба ли дать?»

Немного набрал я сегодня,
Да надо тебя пожалеть.
Мне с голоду милость господня
Не даст, словно псу, околеть...»

И с братом голодным, что было
В котомке, он всё разделил;
Собрав свои дряхлые силы,
На ключ за водицей сходил.

И горе пока позабыто,
И дружно беседа идёт...
Голодного, видно, не сытый,
А только голодный поймёт!

* *
*

Отдохну-ка, сяду у лесной опушки;
Вон вдали — соломой крытые избышки,
И бегут над ними тучи вперегонку
Из родного края в дальнюю сторонку.
Белые берёзы, жидкие осины,
Пашни да овраги — грустные картины;
Не пройдёшь без думы, без тяжёлой, мимо,
Что же к ним всё тянет так неодолимо?

Ведь на свете белом всяких стран довольно,
Где и солнце ярко, где и жить привольно.
Но и там, при блеске голубого моря,
Наше сердце ноет от тоски и горя,
Что не видят взоры ни берёз плакучих,
Ни избышек этих сереньких, как тучи.
Что же в них так сердцу дорого и мило?
И какая манит тайная к ним сила?

JR

1820—1892

Афанасий Афанасьевич Фет

Когда Афанасий Афанасьевич Фет был ещё мальчиком, ему попала в руки тетрадь, в которой было переписано много разных стихотворений. Среди них были стихи Пушкина и его поэма «Кавказский пленник». «О, какое наслаждение испытывал я, повторяя сладостные стихи великого поэта», — писал Фет много лет спустя в своих воспоминаниях.

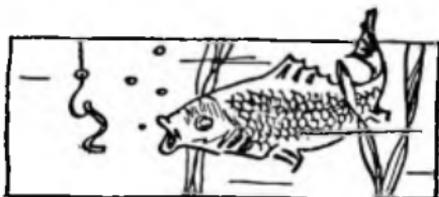
С самого раннего детства Фет, как он сам говорил, был «жаден до стихов», везде старался их разыскать, учил наизусть и очень рано стал писать сам. Детство он провёл в имении отца, в Орловской губернии; ходила за ним крепостная нянька, грамоте учил его крепостной слуга, летом он бегал с деревенскими ребятами по лесу, ловил чижей, лазил по деревьям, ездил верхом. Зимними вечерами, когда дворовые девушки при тусклом свете сальных свечей пряли пряжу, он слушал их песни, слушал сказки о жар-птице, о водяном, о бабе-яге.

В четырнадцать лет Фета отвезли в Петербург готовиться к университетскому экзамену. Он усердно учился и через три года, сдав экзамен, поступил в Московский университет. Он увлекался литературой, театром, познакомился с писателями, поэтами, продолжал писать стихи. Когда у него набралось много стихов, он решил показать их Николаю Васильевичу Гоголю. Гоголю стихи Фета понравились; он нашёл в них «несомненное дарование». Эта похвала знаменитого писателя

ободрила молодого поэта, он стал больше писать, стал увереннее в своих силах.

В 1840 году была напечатана первая книжка стихов Фета, через десять лет после первой книжки вышла вторая, а потом ещё несколько сборников.

Почти половина стихотворений, написанных Фетом, посвящена русской природе — ведь он много лет прожил в деревне, глубоко чувствовал родную природу и очень любил её.

РЫБКА

Тепло на солнышке. Весна
Берёт свои права;
В реке местами глубь ясна,
На дне видна трава.

Чиста холодная струя,
Слежу за поплавком, —
Шалунья рыбка, вижу я,
Играет с червяком.

Голубоватая спина,
Сама как серебро,
Глаза — бурмитских два зерна¹,
Багряное перо.

Идёт, не дрогнет под водой,
Пора — червяк во рту!
Увы, блестящей полосой
Юркнула в темноту.

Но вот опять лукавый глаз
Сверкнул невдалеке.
Постой, авось на этот раз
Повиснешь на крючке!

¹ Бурмитское зерно — жемчуг.

ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ

Ещё светло перед окном,
В разрывы облак солнце блещет,
И воробей своим крылом,
В песке купаяся, трепещет.

А уж от неба до земли,
Качаясь, движется завеса,
И будто в золотой пыли
Стоит за ней опушка леса.

Две капли брызнули в стекло,
От лип душистым мёдом тянет,
И что-то к саду подошло,
По свежим листьям барабанит.

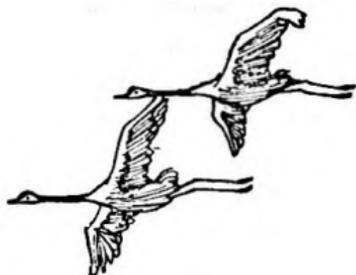
* *
*

Ласточки пропали,
А вчера зарей
Всё грачи летали
Да как сеть мелькали
Вон над той горой.

С вечера всё спится,
На дворе темно.
Лист сухой валится,
Ночью ветер злится
Да стучит в окно.

Лучше б снег да вьюгу
Встретить грудью рад!
Словно как с испугу
Раскричавшись, к югу
Журавли летят.

Выйдешь — поневоле
Тяжело — хоть плачь!
Смотришь — через поле
Перекасти-поле
Прыгает, как мяч.

* *

*

Мама! глянь-ка из окошка —
Знать, вчера недаром кошка
Умывала нос:
Грязи нет, весь двор одело,
Посветлело, побелело —
Видно, есть мороз.

Не колючий, светло-синий
По ветвям развешан иней —
Погляди хоть ты!
Словно кто-то тароватый¹
Свежей, белой, пухлой ватой
Все убрал кусты.

Уж теперь не будет спору:
За салазки, да и в гору
Весело бежать!
Правда, мама? Не откажешь,
А сама, наверно, скажешь:
«Ну, скорей гулять!»

* *

*

Печальная берёза
У моего окна,
И прихотью мороза
Разубрана она.

Как гроздья винограда,
Ветвей концы висят,—

¹ Тароватый — щедрый.

И радостен для взгляда
Весь траурный наряд.

Люблю игру денницы¹
Я замечать на ней,
И жаль мне, если птицы
Стряхнут красу ветвей.

* *
*

Кот поёт, глаза прищуря,
Мальчик дремлет на ковре,
На дворе играет буря,
Ветер свищет на дворе.

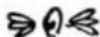
«Полно тут тебе валяться,
Спрячь игрушки да вставай!
Подойди ко мне прощаться,
Да и спать себе ступай».

Мальчик встал. А кот глазами
Поводил и всё поёт;
В окна снег валит клоками,
Буря свищет у ворот.

¹ Денница — утренняя заря.

1821—1897

Аполлон Николаевич Майков

Аполлон Николаевич Майков родился недалеко от Москвы, в селе Никольском. Мать у него была писательница, отец — художник. Мать учила его грамоте, отец учил рисованию — способности к рисованию у мальчика были большие. Детей в семье было трое. Детство у них было вольное, радостное: летом ходили они с отцом на рыбную ловлю, смотрели, как убирают на лугу душистое сено; осенью бегали в лесу по золотым листьям; зимой слушали нянины сказки и ждали весны, когда можно будет снова бежать в лес, в поле.

На двенадцатом году Майкова увезли в Петербург — готовиться к поступлению в университет. Трудно было ему привыкнуть к городской жизни. Он грустил, чувствовал себя одиноким; но знал, что учиться нужно, — в три года прошёл весь гимназический курс и прекрасно выдержал экзамен в университет. К этому времени в Петербург переехала и вся семья Майковых.

У родителей было много друзей среди писателей, художников, музыкантов. Вечерами они собирались у Майковых, пели, читали свои стихи, рассказы. Майковы издавали домашний рукописный журнал «Подснежник»; в этом журнале помещал свои первые стихи и молодой Майков.

Ему было двадцать два года, когда вышла первая книга его стихов. Он продолжал учиться, изучал русскую историю и написал несколько стихотворений о войне 1812 года, стихотворение «Кто он?» — о Петре Первом; перевёл с древнерусского языка «Слово о полку Игореве».

Майков очень много путешествовал, много видел и в своих стихах часто рассказывал о разных странах и народах — об итальянцах, испанцах, неграх.

Хорошие стихи писал Майков о русской природе. Читаешь их — и за каждой строкой встаёт яркая картина. Вот всем знакомое стихотворение «Ласточка примчалась». В нём всего семь строк, а мы так ясно видим и снег, и дождь, и хмурый март, и весну-победительницу!..

«Сенокос», «Нива», «Осень», «Летний дождь» — всё это небольшие стихотворения, но написаны они так, что кажется, будто сам идёшь по ниве узкою межою и вокруг тебя звенят колосья, чувствуешь запах сена над лугами или бежишь под золотым летним дождём.

Писал Майков также стихи о детях, об их жизни. Его стихотворение «Мать» каждому из нас напомним раннее-раннее детство, и ласковые руки матери, и её сказки, и «Колыбельную песню» об орле, ветре и солнце, которую она, может быть, не раз напевала.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Спи, дитя моё, усни!
Сладкий сон к себе мани:
В няньки я тебе взяла
Ветер, солнце и орла.

Улетел орёл домой;
Солнце скрылось под водой;
Ветер, после трёх ночей,
Мчится к матери своей.

Ветра спрашивает мать:
«Где изволил пропадать?
Али звёзды воевал?
Али волны всё гонял?» —

«Не гонял я волн морских,
Звёзд не трогал золотых;
Я дитя оберегал,
Колыбелечку качал!»

МАТЬ

«Бедный мальчик! весь в огне,
Всё ему неловко! —
Ляг на плечико ко мне,
Прислонись головкой!
Я с тобою похожу...
Подремли, мой мальчик.
Хочешь, сказочку скажу:
Жил-был мальчик с пальчик...
Нет! не хочешь?.. сказки — вздор!
Песня лучше будет...
Зашумел сыр-тёмен бор,
Лис лисичку будит;

Во сыром-темном бору...
Задремал мой крошка!..
...Я малинки наберу
Полное лукошко...
Во сыром-темном бору...
Тише! засыпает...
Словно птенчик, всё в жару
Губки открывает...»
«Во сыром бору» поёт
Мать и ходит, ходит...
Тихо, долго ночь идёт...
Ночь уж день выводит —
Мать поёт... рука у ней
Затекла, устала,
И не раз слезу с очей
Бедная роняла...
И едва дитя, в жару,
Вздвогнув, встрепенётся,
«Во темном-сыром бору»
Снова раздаётся...

Отклони удар, уйди,
Смерть с своей косою!
Мать дитя с своей груди
Не отдаст без бою!

Л Е Т Н И Й Д О Ж Д Ъ

«Золото, золото падает с неба!» —
Дети кричат и бегут за дождём...
Полноте, дети, его мы сберём,
Только сберём золотистым зерном
В полных амбарах душистого хлеба.

Л А С Т О Ч К И

Мой сад с каждым днём увядает;
Помят он, поломан и пуст,
Хоть пышно ещё доцветает
Настурций в нём огненный куст...

Мне грустно! меня раздражает
И солнца осеннего блеск,
И лист, что с берёзы спадает,
И поздних кузнечиков треск.

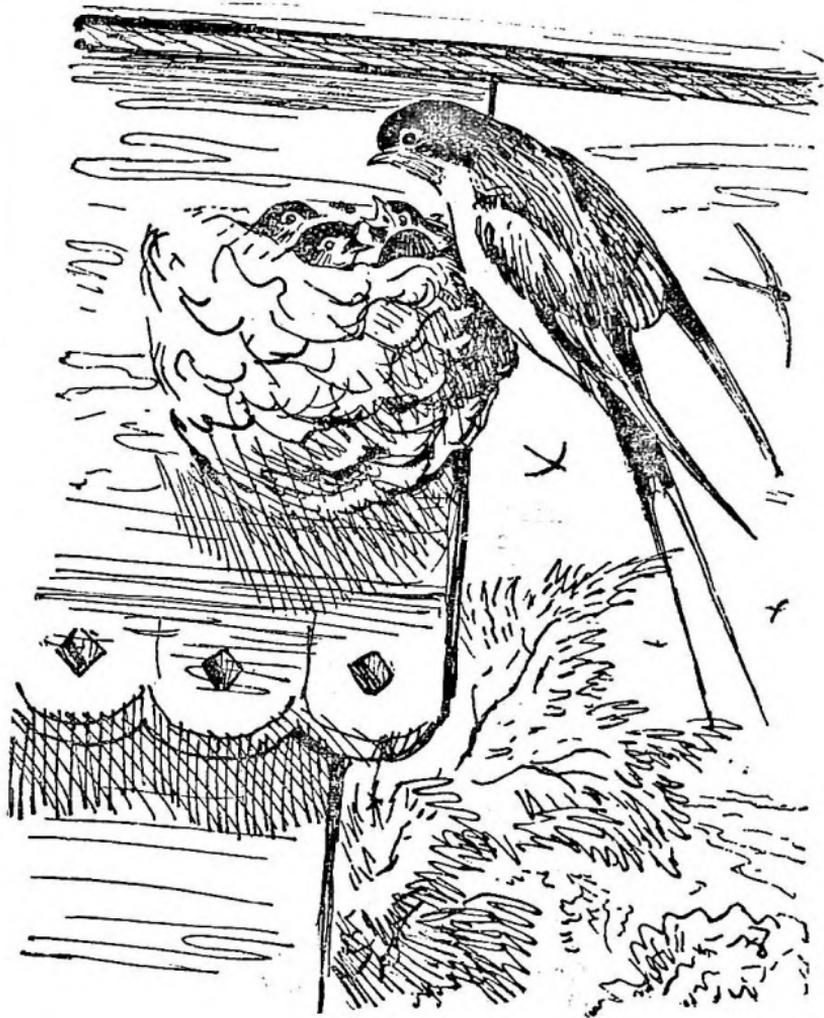
Взгляну ль по привычке под крышу —
Пустое гнездо над окном;
В нём ласточек речи не слышу;
Солома обветрилась в нём...

А помню я, как хлопотали
Две ласточки, строя его!
Как прутики глиной скрепляли
И пуху таскали в него!

Как весел был труд их, как ловок,
Как любо им было, когда
Пять маленьких, быстрых головок
Выглядывать стали с гнезда!

И целый-то день говоруньи,
Как дети, вели разговор...
Потом полетели, летуньи!
Я мало их видел с тех пор!

И вот — их гнездо одиноко!
Они уж в иной стороне —
Далёко, далёко, далёко...
О, если бы крылья и мне!

СЕНОКОС

Пахнет сеном над лугами...
В песне душу веселя,
Бабы с граблями рядами
Ходят, сено шевеля.

Там — сухое убирают:
Мужички его кругом
На воз вилами кидают...
Воз растёт, растёт, как дом...

В ожиданье конь убогий,
Точно вкопанный, стоит...
Уши врозь, дугою ноги
И как будто стоя спит...

Только жучка удалая
В рыхлом сене, как в волнах,
То взлетая, то ныряя,
Скачет, лая впопыхах.

О С Е Н Ь

Кроет уж лист золотой
Влажную землю в лесу...
Смело топчу я ногой
Вешнюю леса красу.

С холоду щёки горят:
Любо в лесу мне бежать,
Слышать, как сучья трещат,
Листья ногой загребать!

Нет мне здесь прежних утех!
Лес с себя тайну совлёк:
Сорван последний орех,
Свянул последний цветок;

Мох не приподнят, не взрыт
Грудой кудрявых груздей;
Около пня не висит
Пурпур брусничных кистей;

Долго на листьях лежит
Ночи мороз, и сквозь лес
Холодно как-то глядит
Ясность прозрачных небес...

* *
*

Ласточка примчалась
Из-за бела моря,
Села и запела:
Как февраль ни злился,
Как ты, март, ни хмурься,
Будь хоть снег, хоть дождик —
Всё весною пахнет!

1817—1875

Алексей Константинович Толстой

Алексей Константинович Толстой родился в Петербурге. Детство он провёл на Украине, в имени дяди — писателя Антония Погорельского.

Он был тихим, мечтательным мальчиком, таким же, как Алёша в известной сказке «Чёрная курица, или Подземные жители», которую написал для него дядя. Вероятно, многие наши школьники тоже читали эту интересную сказку.

Толстой никогда не учился в школе, рос один, без товарищей. Учили маленького Толстого мать — очень умная и образованная женщина, русские учителя и иностранные гувернёры. Очень рано — шести лет — он выучился читать, полюбил стихи, заучивал их наизусть и уже сам пробовал писать. «С шестилетнего возраста я начал марать бумагу — настолько поразили моё воображение некоторые произведения наших лучших поэтов», — вспоминал Толстой много лет спустя.

Десяти лет он вместе с родными был в Германии, Италии и с тех пор много путешествовал: ездил по России, бывал и за границей. Он всегда потом говорил, что эти поездки были для него хорошей школой. Толстой вёл дневник, где много интересного рассказывал о природе, о городах, музеях, картинных галереях, о людях, с которыми приходилось ему встречаться.

Все эти годы он не переставал писать стихи. Дядя хвалил его за них, помогал ему своими советами, показал его стихи Пушкину и Жуковскому, с которыми был хорошо зна-

ком. Пушкин и Жуковский одобрили первые стихи юного поэта, и он был счастлив, когда узнал об этом.

Литература стала главным делом жизни Алексея Константиновича Толстого. Он написал много хороших стихотворений, интересный исторический роман «Князь Серебряный», несколько исторических пьес. Одна из них — «Царь Фёдор Иоаннович» — до сих пор идёт на сцене Московского Художественного театра.

Во всех произведениях А. К. Толстого, всегда ярких, выразительных, чувствуется его любовь к родной земле, к её великому прошлому, её богатому народному творчеству.

* *
*

Колокольчики мои,
Цветики степные!
Что глядите на меня,
Тёмно-голубые?
И о чём звените вы
В день весёлый мая,
Средь некошеной травы
Головой качая?

Конь несёт меня стрелой
На поле открытом;
Он вас топчет под собой,
Бьёт своим копытом.
Колокольчики мои,
Цветики степные!
Не кляните вы меня,
Тёмно-голубые!

Я бы рад вас не топтать,
Рад промчаться мимо,
Но уздой не удержать
Бег неукротимый!

Я лечу, лечу стрелой,
Только пыль взметаю;
Конь несёт меня лихой,
А куда? не знаю!
Он учёным ездоком
Не воспитан в холе,
Он с буранами знаком,
Вырос в чистом поле;
И не блещет как огонь
Твой чепрак узорный,
Конь мой, конь, славянский конь,
Дикий, непокорный!..

* *
*

Где гнутся над омутом лозы,
Где летнее солнце печёт,
Летают и пляшут стрекозы,
Весёлый ведут хоровод.

«Дитя, подойди к нам поближе,
Тебя мы научим летать,
Дитя, подойди, подойди же,
Пока не проснулася мать!

Под нами трепещут былинки,
Нам так хорошо и тепло,
У нас бирюзовые спинки,
А крылышки точно стекло!

Мы песенок знаем так много,
Мы так тебя любим давно —
Смотри, какой берег отлогий,
Какое песчаное дно!»

Осень! Обсыпается весь наш бедный сад,
Листья пожелтеть по ветру летят;
Лишь вдали красуются, там, на дне долин,
Кисти ярко-красные вянущих рябин.

КОЛОДНИКИ

Спускается солнце за степи,
Вдали золотится ковыль,—
Колодников звонкие цепи
Взметают дорожную пыль.

Идут они с бритыми лбами,
Шагают вперед тяжело,
Угрюмые сдвинули брови,
На сердце раздумье легло.

Идут с ними длинные тени,
Две клячи телегу везут,
Лениво сгибают колени,
Конвойные с ними идут.

«Что, братцы, затаемте песню,
Забудем лихую беду!
Уж, видно, такая невзгода
Написана нам на роду!»

И вот повели, затанули,
Поют, заливаясь, они

Про Волги широкой раздолье,
Про даром минувшие дни,

Поют про свободные степи,
Про дикую волю поют.
День меркнет всё боле,— а цепи
Дорогу метут да метут...

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Под бронёй с простым набором¹,
Хлеба кус жуя,
В жаркий полдень едет бором
Дедушка Илья;

Едет бором, только слышно,
Как бряцает бронь,
Топчет папоротник пышный
Богатырский конь.

И ворчит Илья сердито:
«Ну, Владимир², что ж?
Посмотрю я, без Ильи-то
Как ты проживёшь?»

Двор мне, княже, твой не диво!
Не пиров держусь!
Я мужик неприхотливый,
Был бы хлеба кус!

¹ Под бронёй с простым набором — в броне, просто, скромно украшенной.

² Владимир — киевский князь.

Но обидь меня ты чарой¹
В очередь мою —
Так шагай же, мой чубарый,
Уноси Илью!

.
Правду молвить, для княжого
Не гожусь двора;
Погулять по свету снова
Без того пора!

Не терплю богатых сеней,
Мраморных тех плит;
От царьградских от курений
Голова болит!

Душно в Киеве, что в скрине²,
Только киснет кровь!
Государыне-пустыне
Поклонюся вновь!

Вновь изведаю я, старый,
Волюшку мою —
Ну же, ну, шагай, чубарый,
Уноси Илью!»

И старик лицом суровым
Просветлел опять,
По нутру ему здоровым
Воздухом дышать;

¹ Обидь чарой — не первому предложил на пиру чару вина и этим обидел старого богатыря.

² Скрин, или скринья, — сундук, ларец.

Снова веет воли дикой
На него простор,
И смолой и земляникой
Пахнет тёмный бор.

КУРГАН

В степи, на равнине открытой,
Курган одинокий стоит;
Под ним богатырь знаменитый
В минувшие веки зарыт.

В честь витязя тризну свершали,
Дружина дралася три дня,
Жрецы ему разом заклали
Всех жён и любимца коня.

Когда же его схоронили
И шум на могиле затих,
Певцы ему славу сулили,
На гуслях гремя золотых:

«О витязь! делами твоими
Гордится великий народ.
Твоё громоносное имя
Столетия все перейдёт!

И если курган твой высокий
Сровнялся бы с полем пустым,
То слава, разлившись далёко,
Была бы курганом твоим!»

И вот миновались годы,
Столетия вслед протекли,
Народы сменили народы,
Лицо изменилось земли.

Курган же с высокой главою,
Где витязь могучий зарыт,
Ещё не сровнялся с землёю,
По-прежнему гордо стоит.

А витязя славное имя
До наших времён не дошло...
Кто был он? венцами какими
Своё он украсил чело?

Чью кровь проливал он рекою?
Какие он жёг города?
И смертью погиб он какою?
И в землю опущен когда?

Безмолвен курган одинокий...
Наездник державный забыт,
И тризны в пустыне широкой
Никто уж ему не свершит!

Лишь мимо кургана мелькает
Сайгак¹, через поле скача,
Иль вдруг на него налетает,
Крылами треща, саранча.

Порой журавлиная стая,
Окончив подоблачный путь,
К кургану шумит подлетая,
Садится на нём отдохнуть.

Тушканчик порою проскачет
По нём при мерцании дня,
Иль всадник высоко маячит
На нём удалого коня;

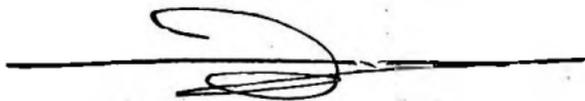
А слёзы прольют разве тучи,
Над степью плывя в небесах,
Да ветер лишь свет летучий
С кургана забытого прах...

¹ Сайга́к — степное животное из породы парнокопытных.

1841—1880

Иван Захарович Суриков

Иван Захарович Суриков родился и провёл раннее детство в деревне Новосёлово, Ярославской губернии. Отец его был крепостным крестьянином. Помещик, которому он принадлежал, отпустил его в Москву на заработки. За это отец Сурикова должен был ежегодно платить барину оброк — большую часть своего заработка. Суриков-отец занялся торговлей. Когда сыну пошёл девятый год, он перевёз его с матерью к себе — отец хотел, чтобы сын также стал торговцем.

Для Сурикова началась тяжёлая жизнь. С утра до вечера он работал в лавке, убирал её, разносил покупателям товар, приучался к торговле. Живой, талантливый мальчик, он как-то незаметно выучился грамоте, полюбил чтение, узнал стихи Пушкина, Лермонтова и других русских писателей, стал и сам понемногу сочинять. Над ним смеялись, отец сердился и говорил, что «купцу лишняя книжность дохода не даст». Но Суриков не сдавался: урывками, часто ночью, потихоньку от всех, он продолжал писать стихи и всё больше убеждался в том, что его призвание — быть поэтом.

Чем старше становился Суриков, тем чаще думал о том, как бы бросить ненавистную торговлю, серьёзно учиться, писать стихи. Но найти какой-нибудь другой заработок он не мог, и всю жизнь ему пришлось заниматься мелкой торговлей — он скупал и продавал железный лом, всякое тряпье, угли.

Когда Сурикову был двадцать один год, он познакомился с поэтом Плещеевым и показал ему свои стихи. Стихи Плещееву понравились, и он помог Сурикову напечатать одно из стихотворений в журнале.

Суриков хорошо знал, что ему, бедняку, самоучке, бывшему крепостному, предстоит трудный путь, что много надо сил, выдержки, чтобы заниматься любимой поэзией.

Поэт! трудна твоя дорога,—
На ней ты радости не жди:
Тебе страдать придётся много
И много слёз скопить в груди.—

так писал он позднее в одном из своих стихотворений.

В 1871 году вышел первый сборник стихов Сурикова. С этого времени стихи его стали появляться в печати, их часто перекладывали на музыку и пели. И до сих пор поют его стихи — песню о казни Степана Разина, о ямщике в степи и многие другие. Суриков писал больше всего о тяжёлой доле бедняков в царской России.

Постепенно вокруг Сурикова образовался кружок таких же писателей-самоучек, в который входили крестьяне, ремесленники, рабочие не только из Москвы, но и приезжие, из провинции. Многие из них писали стихи, и Суриков организовал сборник этих стихотворений, который назвал «Рассвет».

Много стихотворений написал Суриков для детей и, вероятно, когда писал их, вспоминал своё детство в деревне: и весёлое катание с гор, и поездки в ночное, и милые, всегда родные и любимые картины русской природы.

ДЕТСТВО

Вот моя деревня;
Вот мой дом родной;
Вот качусь я в санках
По горе крутой;

Вот свернулись санки
И я на бок — хлоп!
Кубарем качуся
Под гору, в сугроб.

И друзья-мальчишки,
Стоя надо мной,
Весело хохочут
Над моей бедой.

Всё лицо и руки
Залепил мне снег...
Мне в сугробе горе,
А ребятам смех!

Но меж тем уж село
Солнышко давно;
Поднялася выюга,
На небе темно.

Весь ты перезябнешь,
Руки не согнёшь
И домой тихонько,
Нехотя бредёшь.

Ветхую шубёнку
Скинешь с плеч долой;
Заберёшься на печь
К бабушке седой.

И сидишь, ни слова...
Тихо всё кругом;
Только слышишь — воет
Выюга за окном.

В уголке, согнувшись,
Лапти дед плетёт;
Матушка за прялкой
Молча лён прядёт.

Избу освещает
Огонёк светца¹;
Зимний вечер длится,
Длится без конца...

¹ Светец — подставка для лучины, освещающей жильё.

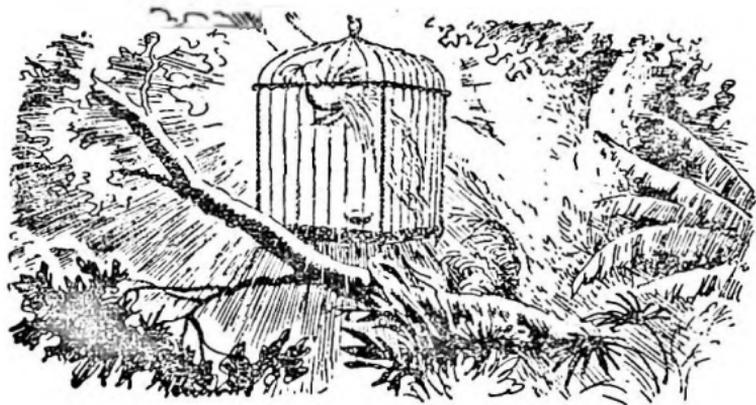

И начну у бабки
Сказки я просить;
И начнёт мне бабка
Сказку говорить:

Как Иван-царевич
Птицу-жар поймал;
Как ему невесту
Серый волк достал.

Слушаю я сказку,—
Сердце так и мрёт;
А в трубе сердито
Ветер злой поёт.

Я прижмусь к старушке...
Тихо речь журчит,
И глаза мне крепко
Сладкий сон смежит.

И во сне мне снятся
Чудные края.
И Иван-царевич —
Это будто я.

Вот передо мною
Чудный сад цветёт;
В том саду большое
Дерево растёт.

Золотая клетка
На сучке висит;
В этой клетке птица
Точно жар горит;

Прыгает в той клетке,
Весело поёт;
Ярким, чудным светом
Сад весь обдаёт.

Вот я к ней подкрался
И за клетку — хватя!
И хотел из сада
С птицею бежать.

Но не тут-то было!
Поднялся шум, звон;
Набежала стража
В сад со всех сторон.

Руки мне скрутили
И ведут меня...
И, дрожа от страха,
Просыпаюсь я.

Весело текли вы,
Детские года!
Вас не омрачали
Горе и беда.

ГОРЕ

Получил письмо от внука
Дедушка Федот;
Внук на фабрике прядильной
В Питере живёт.

Что в письме том пишет внучек,
Нужно деду знать,—
Да письмо-то не умеет
Сам он прочитать.

И выходит на крылечко
Дедушка Федот,—
Сел с письмом и грамотея
С нетерпеньем ждёт.

Время к вечеру подходит,
Скот идёт с полей.
Вот пред дедом показался
Жданный грамотей.

Мальчик в беленькой рубашке
По селу идёт.
Дед кричит ему: «Ванюша!
На, прочти-ка вот!

Что тут пишет милый внучек,
Нужно мне узнать».
Мальчик взял письмо и бойко
Принялся читать.

Дед нагнулся к грамотею,
Слушает его.
Пишет внук, чтобы не ждали
Денег от него.

Знает он, что деньги нужны,
Что оброк стоит,—
Где же взять их? Он в больнице
В Питере лежит.

И едва ли скоро выйдет;
Боль-то не легка:
У него по самый локоть
Отнята рука.

Раздавило на работе
Руку шестернёй;
И теперь семье помощник
Будет он плохой.

Хоть и выйдет из больницы,—
Так опять беда:
Искалеченный, безрукий,—
Годен он куда?

Много в том письме для деда
Горя и забот!
И заплакал горько-горько
Дедушка Федот.

И глядит тоскливо мальчик,—
Тяжело ему;
Горе старого понятно
И его уму.

Он поник головкой русой,
Опустил глаза,
И по личику ребёнка
Катится слеза.

С Т Е П Ь

Едешь, едешь, — степь да небо,
Точно нет им края.
И стоит вверху, над степью,
Тишина немая.

Нестерпимую жарою
Воздух так и пышет;
Как шумит трава густая,
Только ухо слышит.

Едешь, едешь, — как шальные
Кони мчатся степью;
Вдаль курганы, зеленея,
Убегают цепью.

Промелькнут перед глазами
Две-три старых ивы, —
И опять в траве волнами
Ветра переливы.

Едешь, едешь, — степь да небо,
Степь, всё степь, как море;
И взгрустнётся поневоле
На таком просторе.

В НОЧНОМ

Летний вечер. За лесами
Солнышко уж село;
На краю далёком неба
Зорька заалела;

Но и та потухла. Топот
В поле раздаётся:
То табун коней в ночное
По лугам несётся.

Ухватя коней за гриву,
Скачут дети в поле.
То-то радость и веселье,
То-то детям воля!

По траве высокой кони
На просторе бродят;
Собралися дети в кучку,
Разговор заводят.

Мужички сторожевые
Улеглись под лесом
И заснули... Не шелõхнет
Лес густым навесом.

Всё темней, темней и тише.
Смолкли к ночи птицы;
Только на́ небе сверкают
Дальние зарницы.

Кой-где звякнет колокольчик,
Фыркнет конь на воле,
Хрупнет ветка, куст,— и снова
Всё смолкает в поле.

И на ум приходят детям
Бабушкины сказки:
Вот с метлой несётся ведьма
На ночные пляски;

Вот над лесом мчится леший
С головой косматой,
А по небу, сыпля искры,
Змей летит крылатый.

И какие-то все в белом
Тени в поле ходят...
Детям бóязно — и дети
Огонёк разводят.

И трещат сухие сучья,
Разгораясь жарко,
Освещая тьму ночную
Далеко и ярко.

1848—1930

Спиридон Дмитриевич Дрожжин

Спиридон Дмитриевич Дрожжин родился в деревне Низовке, Тверской губернии. О своей жизни он очень хорошо рассказал сам, когда стал уже писателем, в своих стихах и в автобиографии.

Маленький мальчик из бедной крестьянской семьи, он бегал с ребятами по берегу Волги, ходил в лес по грибы и ягоды, радовался солнцу, цветам. Зимой, в холод, мёрз в убогой одежке. Вот он идёт первый раз с матерью в школу к дьячку, робко стоит у двери, а дьячок экзаменует его и потом сажает в последний ряд, где сидят самые бедные ученики. Долгими зимними вечерами лежит он на печке в бабушкиной избе, смотрит, как девушки прядут пряжу, слушает песни, сказки, рассказы каких-нибудь прохожих людей. Больше всего нравились ему песни. И позднее он не раз вспоминал, как часто потихоньку от всех убегал на огород и, сидя под развесистой черёмухой, сочинял и пел свои песни-сказки.

Всего две зимы проучился Дрожжин в школе. Когда ему пошёл двенадцатый год, родители отправили его на заработки в Петербург. Он поступил «мальчиком» в трактир — прислуживал посетителям, мыл посуду, полы.

Проходили годы. Дрожжин сменил немало профессий, жил в разных городах, всегда очень бедствовал. Учиться дальше ему не пришлось, но он много читал, полюбил стихи Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Никитина и особенно Некрасова.

После нескольких лет жизни в городе Дрожжин навсегда вернулся в родную деревню. В свободные от тяжёлого крестьянского труда минуты он писал свои песни-стихи. Дрожжин старался писать так, чтобы стихи похожи были на народные песни, чтобы были понятны всем.

Первое его стихотворение, «Песня про горе добра-молодца», появилось в печати, когда Дрожжину было двадцать пять лет. К этому времени он познакомился и подружился с писателями, которые помогли ему издать первый сборник стихов. О чём он писал? Об этом он сам лучше всего сказал в одном из своих стихотворений:

Я для песни задушевной
Взял лесов зелёных шёпот.
А у Волги в жар полдневный
Тёмных струй подслушал ропот;
Взял у осени ненастье,
У народа взял я счастье
И глубокое страданье...

В последние годы своей жизни поэт-крестьянин с радостью приветствовал Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Новые песни стал писать Дрожжин:

Прошли века неволи злой
Великого народа,
И долгожданная свобода
Из мрака ясною зарёй
Взошла над русской землёй.

ПРИВЕТ

Привет тебе, мой край родной,
С твоими тёмными лесами,
С твоей великою рекой
И неоглядными полями!
Привет тебе, народ родимый,
Герой труда неутомимый
Среди зимы и в летний зной!
Привет тебе, мой край родной!

ПЕРВАЯ БОРОЗДА

Вышел внук на пашню к деду
В рубашонке, босиком,
Улыбнулся и промолвил:
— Здравствуй, дедушка Пахом!

Ты, я вижу, притомился,
Научи меня пахать,
Как зимой, в избе, бывало,
По складам учил читать!

— Что ж, изволь, коли охота
И силёнка есть в руках,

Поучися, будь помощник
Деду старому в трудах!

И Пахом к сохе с любовью
Внука за руку подвёл;
Внук тихонько бороздою
За лошадкою пошёл...

Бодро, весело лошадка
Выступает впереди,
А у пахаря-то сердце
Так и прыгает в груди.

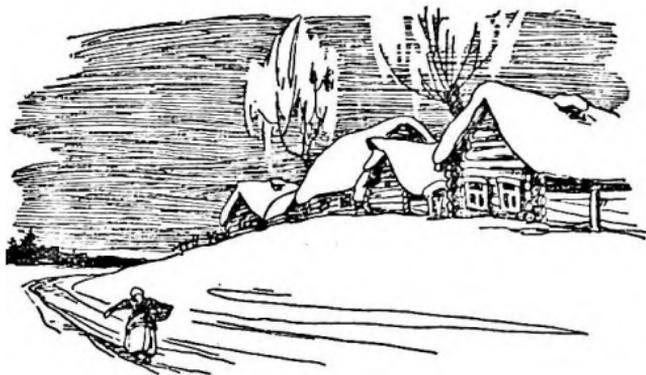
«Вот, — он думает, — вспашу я
Эту полосу, потом
Из кошницы дед засеет
Золотым её зерном;

Уродится рожь густая;
А весною — благодать,
Как начнёт она по зорькам
Жёлтый колос наливать;

Уберётся васильками,
Словно море, зашумит,
Выйдут жницы на полосу,
Серп на солнце заблестит.

Мы приедем на телеге
И из связанных снопов
На гумне намечем много
Золотых тогда скирдов!»

Долго издали на внука
Смотрит дедушка седой
И любитесь глубоко
Проведённой бороздой.

В КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬЕ

Детство золотое,
Грустно ты прошло!
Преодо мной родное,
Милое село.
В ожидание лета,
С рожью и травой,
Спит оно, одето
Снежной пеленой.
Из-за туч уныло
Солнышко глядит,
Ветер легкокрылый
Жалобно шумит.
Улицей гуляет
Дедушка-мороз,

Иней рассыпает
По ветвям берёз;
Ходит, бороδοю
Белою трясёт,
Топаёт ногою,
Только треск идёт,
Иль на окна дышит
Закоптелых хат
Да узоры пишет,
Глядя на ребят...
Вот изба родная
В том селе стоит;
На печи больная
Бабушка лежит,
Охает, вздыхает,
В сердце грусть храня;
Полночь наступает,
Не видать огня.
Бабушка в кручине,
С вечера без сна:
О родимом сыне
Думает она.

ВЕСЕННЕЕ ЦАРСТВО

Вернулось царство вешних дней:
Звонит по камушкам ручей,
Река шумит,
И с криком стая журавлей
Уж к нам летит.

Смолою пахнет от лесов,
Краснея, почки лепестков
Вдохнули вдруг,
И миллионами цветов
Покрылся луг.

Настала чудная пора!
Свалилась с плеч моих гора
Гнетущих бед,
Я на работу со двора
Иду чем свет.

Железо землю бороздит,
А солнце весело глядит
В сиянье дня
И всё ласкает и живит
Вокруг меня.

Из норки чёрный жук ползёт,
И сеть прозрачную плетёт
Себе паук,
Летит пчела и издаёт
Протяжный звук.

На распутившийся цветок
Садится пёстрый мотылёк,
Качаясь в нём,
Пока не тронет ветерок
Его крылом.

Лошадка весело межой
Идёт, а солнце, за горой
Кончая день,
Уже бросает над землёй
Ночную тень.

Пора на отдых! В деревнях
Зажглись огни, на небесах
Взошла луна,
Покой на вспаханных полях
И тишина.

* *

*

Тени вечера сгущаются,
Воздух влажен и душист,
И росой умывается
На деревьях каждый лист.

Птицы в гнёзда схоронились,
И у берега реки,
Чуть мерцающая, засветились
По деревне огоньки.

Л Е Т Н Я Н О Ч Ь В Д Е Р Е В Н Е

Уснули поля под туманом,
Покрылася травка росой,
И звёзды стоят караваном,
Блистая над сонной землёй.
Замолкли и скрылися птицы,
В деревне кругом тишина,
Лишь где-то измученной жницы
Тоскливая песня слышна.
Погасли в убогих избёнках
Один за другим огоньки,
И сторож, как будто впросонках,
Бьёт в край деревянной доски.

* *
*

На улице стало безлюдно,
Не слышится шума ребят,
И жёлтые листья на землю
С берёз, как червонцы, летят.

Пронесётся тучи толпою,
И холодом веет вокруг;
По ветру летят паутины,
Подёрнулся инеем луг.

Нахмурился лес под туманом,
Затихли и птиц голоса,
Пасутся свободные кони,
На отдыхе плуг и коса.

Дымятся овины; за ними
Из полных, тяжёлых снопов
Крестьяне сложили немало,
Как горы, высоких скирдов.

До света ещё, с петухами,
Выходят они на гумно,—
И стонут снопы под цепами,
И брызжет с колосьев зерно.

1870—1953

Иван Алексеевич Бунин

Иван Алексеевич Бунин провёл своё детство и раннюю юность в деревне, на хуторе Озерки, в Орловской губернии. «Тут,— писал он,— в глубочайшей полевой тишине, среди богатейшей по чернозёму и беднейшей по виду природы, летом среди хлебов, подступавших к самым нашим порогам, а зимой среди сугробов и прошло всё моё детство».

За окнами — снега, степная гладь и ширь,
На переплѣтах рам — следы ночной пурги...
Как тих и скучен дом! Как съёжился снегирь
От стужи за окном...

И как однообразно идут дни и долгие-долгие вечера, когда слушает мальчик неторопливые разговоры взрослых, думает, читает, ждёт не дожждётся весны. И вот весна: голубеет небо, кричат грачи, выползает из своего дупла змея... Незаметно подходит лето. Мальчик один бродит по лесу, дышит смолистым запахом сосны, а может быть, ищет ворона, того, который так часто садится на ограду дома и о котором мать говорит, что жил он ещё при Иване Грозном. За летом наступает осень — «светло и нежно небо светит», золотистой листвой одевается лес, и на душе становится печальней.

Сменяются времена года, меняются картины природы, меняются и впечатления, переживания мальчика. И позднее, ко-

гда Бунин стал поэтом и писал стихи о деревенской и усадебной жизни, которая давно ушла в прошлое, о русской природе, перед глазами его вставали картины его собственного детства.

А нам, когда читаем стихи Бунина, каждый раз кажется, что смотрим мы очень хорошую картину, написанную тонкой и точной кистью, необыкновенно свежими и нежными красками. Прочтите в этой книге его стихи о природе или стихотворение «Олень». Не кажется ли вам, что вы видите, как он бежит, «откинув тяжкие рога», и что сами вы в густом ельнике, а кругом глубокий снег и на снегу следы оленя?

Кроме стихов, Бунин писал ещё рассказы, повести, которые вы будете читать, когда станете постарше.

Бунин хорошо знал иностранные языки и много переводил. За перевод замечательной поэмы американского поэта Лонгфелло «Песнь о Гайавате» он получил Пушкинскую премию.

После революции 1917 года Бунин уехал за границу и, как очень многие люди, покинувшие родину, тосковал по ней, чувствовал себя одиноким.

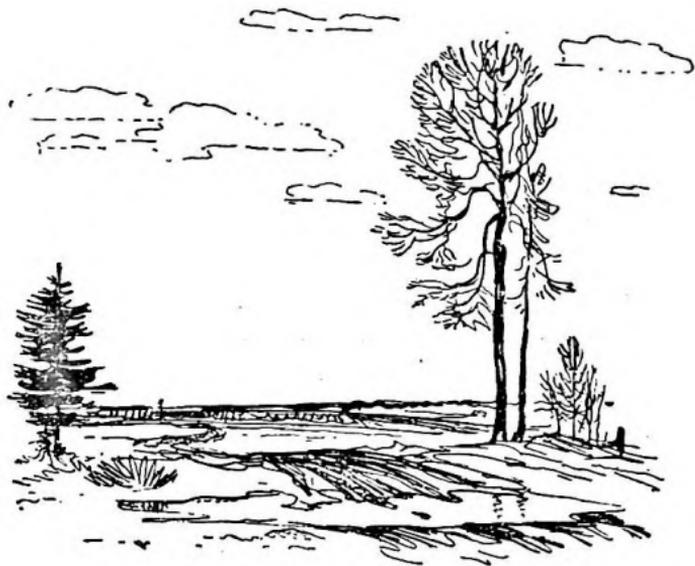
У птицы есть гнездо, у зверя есть нора.

Как горько было сердцу молодому,

Когда я уходил с отцовского двора,

Сказать *прости* родному дому!..

Но домой, на родину, он не вернулся и умер на чужбине.

* *
*

Бушует полая вода,
Шумит и глухо и протяжно.
Грачей пролётные стада
Кричат и весело и важно.

Дымятся чёрные бугры,
И утром в воздухе нагретом
Густые белые пары
Напоены теплом и светом.

А в полдень лужи под окном
Так разливаются и блещут,
Что ярким солнечным пятном
По залу «зайчики» трепещут.

Меж круглых рыхлых облаков
Невинно небо голубеет,
И солнце ласковое греет
В затишье гумен и дворов.

Весна, весна! И всё ей радо.
Как в забытьи каком стоишь
И слышишь свежий запах сада
И тёплый запах талых крыш.

Кругом вода журчит, сверкает,
Крик петухов звучит порой,
А ветер, мягкий и сырой,
Глаза тихонько закрывает.

* *
*

Догорел апрельский светлый вечер,
По лугам холодный сумрак лёг.
Спят грачи; далёкий шум потока
В темноте таинственно заглох.

Но свежее пахнет зелеными
Молодой озябший чернозём,
И струится чище над полями
Звёздный свет в молчании ночном.

По лощинам, звёзды отражая,
Ямы светят тихую водой;
Журавли, друг друга окликают,
Осторожной тянутся гурьбой.

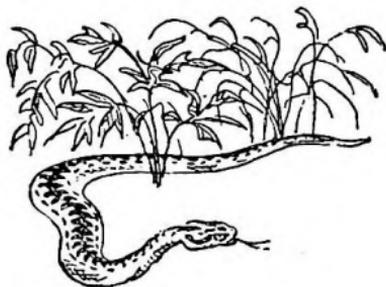
А Весна в зазеленевшей роще
Ждёт зари, дыханье затаив,—
Чутко внемлет шороху деревьев,
Зорко смотрит в тёмные поля.

ДЕТСТВО

Чем жарче день, тем сладостней в бору
Дышать сухим смолистым ароматом,
И весело мне было поутру
Бродить по этим солнечным палатам!

Повсюду блеск, повсюду яркий свет,
Песок — как шёлк... Прильну к сосне корявой
И чувствую: мне только десять лет,
А ствол — гигант, тяжёлый, величавый.

Кора груба, морщиниста, красна,
Но так тепла, так солнцем вся прогрета!
И кажется, что пахнет не сосна,
А зной и сухость солнечного света.

ЗМЕЯ

Покуда март гудит в лесу по голым
Снастям ветвей,— бесцветна и плоска,
Я сплю в дупле. Я сплю в листве тяжёлым,
Холодным сном — и жду: весна близка.

Уж в облаках, как синие окна,
Сквозит лазурь... Подсохло у корней,
И мотылёк в горячем свете солнца
Припал к листве... Я шевелюсь под ней,

Я развиваю кольца, опьяняюсь
Теплом лучей... Я медленно ползу —
И вновь цвету, горю, меняюсь,
Ряжусь то в медь, то в сталь, то в бирюзу.

Где суше лес, где много пёстрых листьев
И жёлтых мух, там пёстрый жгут — змея.
Чем жарче день, чем мухи золотистой —
Тем ядовитей я.

* *

*

Густой зелёный ельник у дороги,
Глубокие пушистые снега.
В них шёл олень, могучий, тонконогий,
К спине откинув тяжкие рога.

Вот след его. Здесь натоптал тропинок,
Здесь ёлку гнул и белым зубом скрёб —
И много хвойных крестиков, остинок
Осыпалось с макушки на сугроб.

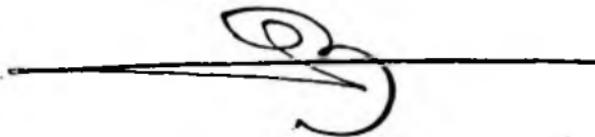
Вот снова след, размеренный и редкий,
И вдруг — прыжок! И далеко в лугу
Теряется собачий гон — и ветки,
Обитые рогами на бегу...

О, как легко он уходил долиной!
Как бешено, в избытке свежих сил,
В стремительности радостно-звериной
Он красоту от смерти уносил!

1880—1921

Александр Александрович Блок

Александр Александрович Блок родился в Петербурге. Здесь семья Блока проводила обычно зиму, а на лето переезжала в небольшую усадьбу Шахматово, под Москвой, недалеко от станции Подсолнечная. С Шахматовым у Блока было связано много радостных детских и юношеских воспоминаний. Дед Блока, профессор ботаники, часами бродил с маленьким Сашей по лугам и лесам, учил его определять растения, собирал с ним ботанические коллекции. Мальчик ездил верхом, копался в саду, в огороде, возился с животными «тварями», как шутливо-ласково называл их. Очень рано научился он понимать и любить природу.

В семье Блока все занимались литературой. Бабушка, мать и две тётки были писательницами — писали стихи, рассказы, много переводили с иностранных языков. И маленький Блок начал сочинять стихи лет с пяти. В тринадцать лет вместе с двоюродными братьями издавал рукописный журнал, в котором принимали участие и взрослые, а Блок был и редактором, и художником, и автором — он помещал в журнале свои стихи, рассказы, очерки.

Учился Блок в петербургской гимназии. В старших классах увлекался театром, любил декламировать стихи, ставил любительские спектакли, мечтал даже сделаться актёром. Писать он не переставал. «Серьёзное писание,— вспоминал он позднее,— началось, когда мне было около восемнадцати лет. Года

три-четыре и показывал свои писания только матери и тётке».

Наступил 1905 год — год первой русской революции. Блок было двадцать пять лет. Он был уже известным поэтом. Кроме стихов, которые печатались в разных журналах и начали выходить отдельными сборниками, он писал статьи, пьесы. Часто думал он в эти годы о том, как много в жизни страшного, уродливого, тяжёлого и какой должна быть жизнь людей.

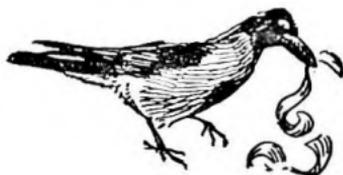
Не может сердце жить покоем —
Недаром тучи собрались...—

писал он в 1908 году.

С радостью встретил Блок Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Он писал тогда в одной из своих статей: «Что же задумано? Переделать всё. Устроить так, чтобы всё стало новым; чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, весёлой и прекрасной жизнью».

Многие стихи Блока о России, о людях, о природе вам ещё трудно будет читать; но пройдёт несколько лет, и постепенно вы научитесь понимать и любить Блока — одного из лучших русских поэтов.

В этой книге вы найдёте несколько стихотворений, которые он написал специально для детей, — вы их знаете, наверно, но ведь всегда весело снова и снова повторять знакомые, милые нам строки стихов.

В О Р О Н А

Вот ворона на крыше покатоЙ,
Так с зимы и осталась лохматоЙ...

А уж в воздухе — вешние звоны,
Даже дух занялся у вороны...

Вдруг запрыгала вбок глупым скоком,
Вниз на землю глядит она боком:

Что белеет под нежною травкой?
Вон желтеют под серою лавкой

Прошлогодние мокрые стружки...
Это всё у вороны — игрушки,

И уж так-то ворона довольна,
Что весна и дышать ей привольно!..

ВЕТХАЯ ИЗБУШКА

Ветхая избушка
Вся в снегу стоит.
Бабушка-старушка
Из окна глядит.

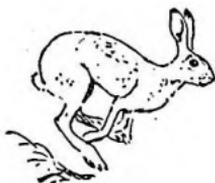
Внукам-шалунишкам
По колено снег.
Весел ребятишкам
Быстрых санок бег...

Бегают, смеются,
Лепят снежный дом,
Звонко раздаются
Голоса кругом...

В снежном доме будет
Резвая игра...
Пальчики застудят,—
По домам пора!

Завтра выпьют чаю,
Глянут из окна,—
Аи, уж дом растаял,
На дворе — весна!

ЗАЙЧИК

Маленькому зайчику
На сырой ложбинке
Прежде глазки тешили
Белые цветочки...

Осенью расплакались
Тонкие былинки,
Лапки наступают
На жёлтые листочки.

Хмурая, дождливая
Наступила осень,
Всю капусту сняли,
Нечего украсть.

Бедный зайчик прыгает
Возле мокрых сосен,
Страшно в лапы волку
Серому попасть...

Думает о лете,
Прижимает уши,
На небо косится —
Неба не видать...

Только б потеплее,
Только бы посуше...
Очень неприятно
По воде ступать.

УЧИТЕЛЬ

Кончил учитель урок,
Мирно сидит на крылечке.
Звонко кричит пастушок,
Скачут барашки, овечки.

Солнце за горку ушло,
Светит косыми лучами.
В воздухе сыро, тепло,
Белый туман за прудами.

Старый учитель сидит —
Верно, устал от работы:
Завтра ему предстоит
Много трудов и заботы...

Завтра он будет с угра
Школить упрямых ребяток,
Чтобы не грызли пера
И не марали тетрадок.

Стадо идёт и пылит,
Дети за ним — врассыпную.
Старый учитель сидит,
Голову клонит седую.

JR

1895—1925

J

Сергей Александрович Есенин

Сергей Александрович Есенин родился в Рязанской губернии, в селе Константиново¹. Родители его были бедные крестьяне. Когда мальчику исполнилось два года, они отдали его на воспитание в зажиточную семью деда по матери. Сыновья деда были гораздо старше Есенина. Позднее, вспоминая о своём детстве, он рассказывал: «Дядья мои были ребята озорные и отчаянные. Трёх с половиной лет они посадили меня на лошадь без седла и сразу пустили в галоп. Я помню, что очумел и очень крепко держался за холку. Потом меня учили плавать. Один дядя (дядя Саша) брал меня в лодку, отъезжал от берега, снимал с меня бельё и, как щенка, бросал в воду... После, лет восьми, другому дяде я часто заменял охотничью собаку, плавал по озёрам за подстрелянными утками. Очень хорошо лазил по деревьям. Среди мальчишек всегда был коноводом и большим драчуном и ходил всегда в царапинах». А дед радовался и говорил: «Он так крепче будет».

Целые дни летом проводил мальчик на воле. Он любил бескрайние поля и луга своего родного села, радовался и белой берёзке и душистой черёмухе, любил цветы, животных...

Каждая задрипанная лошадь
Головой кивает мне навстречу,
Для зверей приятель я хороший...

¹ Теперь это село называется «Есенино».

В осенние и зимние вечера, забравшись на лежанку, любил он слушать бабушкины сказки, её грустные степные песни. Хотелось самому сочинять, и свои первые стихи он сочинил в девять лет.

Учился Есенин в сельской школе, которую окончил с похвальной грамотой. После окончания школы его отправили в другое село в закрытую церковно-учительскую школу. Родные хотели, чтобы он стал учителем, но Есенин не хотел быть учителем и уехал в Москву. Ему шёл тогда семнадцатый год. В Москве он познакомился с писателями литературно-музыкального кружка имени поэта И. З. Сурикова. Они помогли ему устроиться на работу в типографию и в народный университет имени Шанявского, где он слушал лекции по литературе.

Первое напечатанное стихотворение Есенина «Берёза» появилось в 1914 году в первом номере журнала для детей «Мирок». В этом же журнале были напечатаны и другие стихотворения, которые вы прочтёте в этой книге. Но «писать для детей — надо особый дар иметь», — говорил Есенин и редко писал для них.

В 1916 году вышла первая книга стихов Есенина. Её приняли сразу и очень горячо. С тех пор стихи его часто печатались в журналах, выходили отдельными книгами.

В одном из своих стихотворений Есенин писал:

Я думаю:
Как прекрасна
Земля
И на ней человек.

И нежной, тревожной любовью к человеку, к земле, к своей родине пронизано всё его творчество.

* *
*

Поёт зима — аукает,
Мохнатый лес баюкает
 Стозвоном сосняка.
Кругом с тоской глубокою
Плывут в страну далёкую
 Седые облака.

А по двору метелица
Ковром шелковым стелется,
 Но больно холодна.
Воробушки игривые,
Как детки сиротливые,
 Прижались у окна.

Озябли пташки малые,
Голодные, усталые,
 И жмутся поплотней.
А выюга с рёвом бешеным
Стучит по ставням свешенным
 И злится всё сильней.

И дремлют пташки нежные
Под эти вихри снежные
 У мёрзлого окна.
И снится им прекрасная,
В улыбках солнца ясная
 Красавица весна.

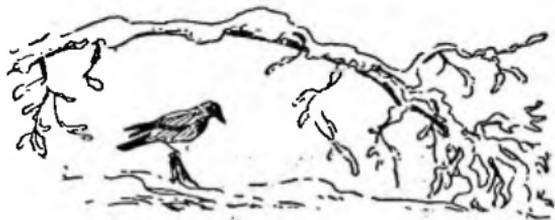
П О Р О Ш А

Еду. Тихо. Слышны звоны
Под копытом на снегу,
Только серые вороны
Расшумелись на лугу.

Заколдован невидимкой,
Дремлет лес под сказку сна,
Словно белою косынкой
Подвязалась сосна.

Понагнулась, как старушка,
Оперлася на клюку,
А над самою макушкой
Долбит дятел на суку.

Скачет конь, простору много,
Валит снег и стелет шаль.
Бесконечная дорога
Убегает лентой вдаль.

БЕРЕЗА

Белая берёза
Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебром.

На пушистых ветках
Снежною каймой
Распустились кисти
Белой бахромой.

И стоит берёза
В сонной тишине,
И горят снежинки
В золотом огне.

А заря, лениво
Обходя кругом,
Обсыпает ветки
Новым серебром.

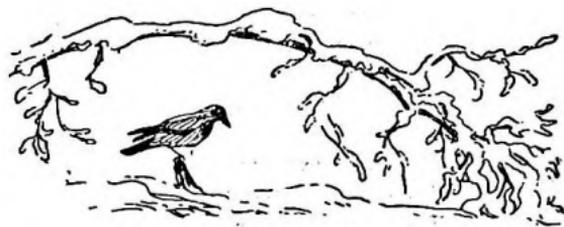
П О Р О Ш А

Еду. Тихо. Слышны звоны
Под копытом на снегу,
Только серые вороны
Расшумелись на лугу.

Заколдован невидимкой,
Дремлет лес под сказку сна,
Словно белою косынкой
Подвязалась сосна.

Понагнулась, как старушка,
Оперлася на клюку,
А над самую макушкой
Долбит дятел на суку.

Скачет конь, простору много,
Валит снег и стелет шаль.
Бесконечная дорога
Убегает лентой вдаль.

БЕРЕЗА

Белая берёза
Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебром.

На пушистых ветках
Снежною каймой
Распустились кисти
Белой бахромой.

И стоит берёза
В сонной тишине,
И горят снежинки
В золотом огне.

А заря, лениво
Обходя кругом,
Обсыпает ветки
Новым серебром.

С ДОБРЫМ УТРОМ

Задремали звёзды золотые,
Задрожало зеркало затона,
Брезжит свет на заводи речные
И румянит сетку небосклона.

Улыбнулись сонные берёзки,
Растрепали шёлковые косы.
Шелестят зелёные серёжки,
И горят серебряные росы:

У плетня заросшая крапива
Обрядилась ярким перламутром
И, качаясь, шепчет шаловливо:
«С добрым утром!»

ЧЕРЕМУХА

Черёмуха душистая
С весною расцвела
И ветки золотистые,
Что кудри, завила.

Кругом роса медвяная
Сползает по коре,
Под нею зелень пряная
Сияет в серебре.

А рядом, у проталинки,
В траве, между корней,
Бежит, струится маленький
Серебряный ручей.

Черёмуха душистая,
Развесившись, стоит,
А зелень золотистая
На солнышке горит.

Ручей волной гремячу
Все ветки обдаёт
И вкрадчиво под кручею
Ей песенки поёт.

1873—1924

Валерий Яковлевич Брюсов

«Выучившись читать ещё трёх лет от роду, я с тех пор непрерывно поглощал книги. Ещё до поступления в гимназию я прочитал их огромное количество как чисто литературных, так и научных», — писал, вспоминая о своём детстве, Валерий Яковлевич Брюсов. Поступив в гимназию, Брюсов увлёкся естественными науками, астрономией и особенно математикой. Любовь к математике осталась у него на всю жизнь. Сочинять он начал очень рано, когда, по его словам, умел писать только печатными буквами; сочинял рассказы, стихи и даже «научные статьи». Первая небольшая его статья, о спорте, появилась в печати, когда ему было пятнадцать лет, а вскоре в журналах стали печататься и его стихи.

Ещё в юности Брюсов записал в свой дневник: «Надо работать! Надо что-нибудь сделать!.. За работу, жизнь не ждёт!» А много лет спустя в одном из своих стихотворений писал:

Великая радость — работа,
В полях, за станком, за столом!
Работай до жаркого пота,
Работай без лишнего счёта,—
Всё счастье земли — за трудом!

Всю свою жизнь Брюсов знал эту радость труда. В неустанной работе шли годы. Он написал несколько тысяч стихотворений, два больших исторических романа, писал статьи

о писателях — о Пушкине, которого безмерно любил, о Тютчеве, Баратынском и о многих других. Он читал лекции по литературе, по истории и даже по истории математики. Он знал французский, немецкий, английский, итальянский, армянский и другие языки, и по его переводам у нас в стране узнавали многие произведения иностранной литературы и литературы братских народов.

Брюсов глубоко верил в то, что «сильнее человека нет в природе никого», что человек может преодолеть всё, что захочет.

Верю, дерзкий! ты поставишь
По земле ряды ветрил,
Ты своей рукой направишь
Бег планеты меж светил,—

писал он ещё в 1906 году в стихотворении «Хвала человеку».

Когда свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция, он все силы свои отдал на служение молодой Стране Советов и вступил в ряды Коммунистической партии. Будущее представлялось ему прекрасным, он гордился своей страной и говорил:

Всех вперед, страна-вожатый,
Над миром факел ты взметнула,
Народам озаряя путь..,

После революции он прожил очень недолго и умер в 1924 году.

В этой книге вы прочтёте одно из лучших его стихотворений — «Каменщик» и несколько стихотворений, которые он написал для детей.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спи, мой мальчик! Птицы спят;
Накормили львицы львят;
Прислонясь к дубам, заснули
В роще робкие косули;
Дремлют рыбы под водой;
Почивает сом седой.

Только волки, только совы
По ночам гулять готовы,
Рыщут, ищут, где украсть,
Разевают клюв и пасть.
Ты не бойся, здесь кроватка,
Спи, мой мальчик, мирно, сладко.

Спи, как рыбы, птицы, львы,
Как жучки в кустах травы,
Как в берлогах, норах, гнёздах
Звери, легшие на роздых...
Вой волков и крики сов,
Не тревожьте детских снов!

ДЕТСКАЯ

Палочка-выручалочка,
Вечерняя игра!
Небо тени свесило,
Расшумимся весело,
Бегать нам пора!

Раз, два, три, четыре, пять,
Бегом тени не догнать.
Слово скажешь, в траву ляжешь,
Чёрной цепи не развяжешь.
Снизу яма, сверху высь,
Между них вертись, вертись.

Что под нами, под цветами,
За железными столбами?
Кто на троне? кто в короне?
Ветер высью листья гонит
И уронит с высоты...
Я ли первый или ты?

Палочка-выручалочка,
То-то ты хитра!
Небо тени свесило,
Постучи-ка весело
Посреди двора.

МЫШИ

В нашем доме мыши поселились
И живут, живут!
К нам привыкли, ходят, расхрабрились,
Видны там и тут.

То клубком катаются пред нами,
То сидят, глядят;
Возятся безжалостно ночами,
По углам пищат.

Утром выйдешь в зал, — свечу объели,
Масло в кладовой,
Что поменьше, утащили в щели...
Караул! разбой!

Свалят банку, след оставят в тесте,
Их проказ не счесть...
Но так мило знать, что с нами вместе
Жизнь другая есть.

КАМЕНЩИК

— Каменщик, каменщик, в фартуке белом,
Что ты там строишь? кому?

— Эй, не мешай нам, мы заняты делом,
Строим мы, строим тюрьму.

— Каменщик, каменщик, с верной лопатой,
Кто же в ней будет рыдать?

— Верно, не ты и не твой брат, богатый.
Незачем вам воровать.

— Каменщик, каменщик, долгие ночи
Кто ж проведёт в ней без сна?

— Может быть, сын мой, такой же рабочий,
Тем наша доля полна.

— Каменщик, каменщик, вспомнит, пожалуй,
Тех он, кто нёс кирпичи.

— Эй, берегись! под лесами не ба́луй...
Знаем всё сами, молчи!

ТРУД

В мире слов разнообразных,
Что блестят, горят и жгут,—
Золотых, стальных, алмазных,—
Нет священной слова: «труд»!

Троглодит стал человеком
В тот заветный день, когда
Он сошник повёл к просёкам,
Начиная круг труда.

Всё, что пьём мы полной чашей,
В прошлом создано трудом:
Всё довольство жизни нашей,
Всё, чем красен каждый дом.

Новой лампы свет победный,
Бег моторов, поездов,
Монопланов лёт бесследный, —
Всё — наследие трудов!

Все искусства, знанья, книги —
Воплощённые труды!
В каждом шаге, в каждом миге
Явно видны их следы.

И на место в жизни — право
Только тем, чьи дни — в трудах:
Только труженикам — слава,
Только им — венок в веках!

Но, когда заря смеётся,
Встретив позднюю звезду, —
Что за радость в душу льётся
Всех, кто бодро встал к труду!

И, окончив день, усталый,
Каждый щедро награждён,
Если труд, хоть скромный, малый,
Был с успехом завершён!

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям	3
Василий Андреевич Жуковский	5
«ОТЧИЗНЕ КУБОК СЕИ, ДРУЗЬЯ!» <i>Из стихотворения «Певец во стане русских воинов».</i> Рис. И. Ильинского	7
ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР. Рис. В. Высоцкого	8
ЖАВОРОНОК. Рис. В. Высоцкого	12
ЛЕСНОЙ ЦАРЬ. <i>Из Гёте.</i> Рис. В. Высоцкого	13
ПЕРЧАТКА. Баллада. <i>Из Шиллера.</i> Рис. В. Высоцкого	15
Кондратий Фёдорович Рылеев	19
СМЕРТЬ ЕРМАКА. Рис. В. Панова	21
Александр Сергеевич Пушкин	27
«У ЛУКОМОРЬЯ ДУБ ЗЕЛЕНЬИЙ...» <i>Из поэмы «Руслан и Людмила».</i> Рис. В. Ладыгина	31
ПЕСНЬ О ВЕЩЕМ ОЛЕГЕ. Рис. Е. Мешкова	33
НЯНЕ	38
ЗИМНИЙ ВЕЧЕР. Рис. Б. Дектерёва	—
УЗНИК	40
ЗИМНЯЯ ДОРОГА	41
ЗИМНЕЕ УТРО. Рис. Е. Мешкова	42
«ЕЩЕ ДУЮТ ХОЛОДНЫЕ ВЕТРЫ!»	43

ТУЧА. Рис. Е. Мешкова	44
«УЖ НЕБО ОСЕНЬЮ ДЫШАЛО...» Из романа «Евгений Онегин». Рис. Е. Мешкова	45
«ВСТАЕТ ЗАРЯ ВО МГЛЕ ХОЛОДНОЙ...» Из ро- мана «Евгений Онегин»	—
«В ТОТ ГОД ОСЕННЯЯ ПОГОДА...» Из романа «Евгений Онегин»	46
«ЗИМА!.. КРЕСТЬЯНИН, ТОРЖЕСТВУЯ...» Из ро- мана «Евгений Онегин»	47
«ГОНИМЫ ВЕШНИМИ ЛУЧАМИ...» Из романа «Евгений Онегин». Рис. Е. Мешкова	—
ВУРДАЛАК. Из «Песен западных славян»	48
КОНЬ	49
АНЧАР. Рис. В. Панова	50
<ПОЛТАВСКИЙ БОЙ>. Из поэмы «Полтава». Рис. Е. Мешкова	52
«ВО ГЛУБИНЕ СИБИРСКИХ РУД...»	57
Евгений Абрамович Баратынский	59
«ВЕСНА, ВЕСНА! КАК ВОЗДУХ ЧИСТ!..» Рис. Е. Мешкова	61
ОСЕНЬ. Рис. Е. Мешкова	62
<ФИНЛЯНДИЯ>. Из поэмы «Эда». Рис. А. Келей- никова	64
«ГДЕ СЛАДКИЙ ШЕПОТ...» Рис. А. Келейникова	65
Николай Михайлович Языков	67
ПЛОВЕЦ. Рис. Е. Мешкова	69
КОРАБЛЬ	70
МАЯК	—
КОНЬ. Рис. А. Келейникова	71
«МОЙ ДРУГ! ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ МИЛЕЯ...» Из письма к А. И. Кулибину. Рис. А. Келейникова	73
Алексей Васильевич Кольцов	75
ПЕСНЯ ПАХАРЯ. Рис. В. Горячева	77
ЛЕС (Посвящено памяти А. С. Пушкина). Рис. В. Горячева	79
КОСАРЬ. Рис. В. Горячева	83
РАЗДУМЬЕ СЕЛЯНИНА	85

Михаил Юрьевич Лермонтов	87
БОРОДИНО. Рис. О. Верейского	91
УТЕС. Рис. И. Ильинского	96
«НА СЕВЕРЕ ДИКОМ СТОИТ ОДИНОКО...» Рис. И. Ильинского	—
ПАРУС. Рис. А. Келейникова	97
КАЗАЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ. Рис. И. Ильинского	98
ТУЧИ. Рис. А. Келейникова	101
ЛИСТОК. Рис. И. Ильинского	102
ВОЗДУШНЫЙ КОРАБЛЬ. Из <i>Цедлица</i> . Рис. И. Ильинского	103
ТРИ ПАЛЬМЫ (<i>Восточное сказание</i>). Рис. И. Ильинского	106
«МОСКВА, МОСКВА!.. ЛЮБЛЮ ТЕБЯ КАК СЫН...» Из поэмы «Сашка»	109
 Николай Платонович Огарёв	 111
ДОРОГА. Рис. В. Горячева	113
ИЗБА. Рис. В. Горячева	114
АРЕСТАНТ. Рис. В. Панова	116
СВОБОДА	117
«СТОРОНА МОЯ РОДИМАЯ...»	119
 Иван Саввич Никитин	 121
УТРО. Рис. В. Горячева	123
УТРО НА БЕРЕГУ ОЗЕРА. Рис. В. Горячева	125
«ЯРКО ЗВЕЗД МЕРЦАНЬЕ...» Рис. В. Горячева	128
ВСТРЕЧА ЗИМЫ. Рис. В. Горячева	130
 Николай Алексеевич Некрасов	 135
ЗЕЛЕНЬИЙ ШУМ. Рис. В. Ладыгина	139
«ЗАЖГЛО ГРОЗОЮ ДЕРЕВО...» Из поэмы «Кому на Руси жить хорошо»	140
СОЛОВЬИ. Из «Стихотворений, посвящённых русским детям»	141
КРЕСТЬЯНСКИЕ ДЕТИ. Из поэмы «Крестьянские дети». Рис. В. Ладыгина	144

МУЖИЧОК С НОГОТОК. Из поэмы «Крестьянские дети». Рис. В. Ладыгина	146
ШКОЛЬНИК. Рис. В. Ладыгина	148
«В ПОЛНОМ РАЗГАРЕ СТРАДА ДЕРЕВЕНСКАЯ...» Рис. В. Ладыгина	150
НЕСЖАТАЯ ПОЛОСА. Рис. Г. Никольского	152
МОРОЗ-ВОЕВОДА. Из поэмы «Мороз, Красный нос». Рис. Г. Никольского	154
ДЕДУШКА МАЗАИ И ЗАЙЦЫ. Рис. Г. Никольского	155
ГЕНЕРАЛ ТОПТЫГИН. Рис. Г. Никольского	163
ПЕРЕД ДОЖДЕМ. Рис. Г. Никольского	169
Фёдор Иванович Тютчев	171
«ЗИМА НЕДАРОМ ЗЛИТСЯ...» Рис. Е. Мешкова	173
ВЕСЕННИЕ ВОДЫ. Рис. Е. Мешкова	174
ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА. Рис. Е. Мешкова	175
«НЕОХОТНО И НЕСМЕЛО...» Рис. Е. Мешкова	176
ЛИСТЬЯ	177
«ЕСТЬ В ОСЕНИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ...» Рис. Е. Мешкова	178
«ПЕСОК СЫПУЧИЙ ПО КОЛЕНИ...» Рис. А. Келейникова	179
Алексей Николаевич Плещеев	181
ВЕСНА. Рис. С. Матвеевой	183
МОЙ САДИК	184
«ДЕРЕВЬЯ ВЕСЕЛО ШУМЕЛИ...»	185
НА БЕРЕГУ. Рис. С. Матвеевой	—
СТАРИК. Рис. И. Ильинского	188
НИЩИЕ	191
«ОТДОХНУ-КА, СЯДУ У ЛЕСНОЙ ОПУШКИ...» Рис. С. Матвеевой	193
Афанасий Афанасьевич Фет	195
РЫБКА. Рис. Т. Алексеевой	197
ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ. Рис. Т. Алексеевой	198
«ЛАСТОЧКИ ПРОПАЛИ...» Рис. Т. Алексеевой	199
«МАМА! ГЛЯНЬ-КА ИЗ ОКОШКА...»	200

«ПЕЧАЛЬНАЯ БЕРЕЗА...»	200
«КОТ ПОЕТ, ГЛАЗА ПРИШУРЯ...»	201
Аполлон Николаевич Майков	203
КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ. Рис. В. Панова	205
МАТЬ. Рис. В. Панова	206
ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ	207
ЛАСТОЧКИ. Рис. Г. Никольского	208
СЕНОКОС. Рис. В. Панова	210
ОСЕНЬ	211
«ЛАСТОЧКА ПРИМЧАЛАСЬ...»	—
Алексей Константинович Толстой	213
«КОЛОКОЛЬЧИКИ МОИ...» Рис. В. Панова	215
«ГДЕ ГНУТСЯ НАД ОМУТОМ ЛОЗЫ...»	216
«ОСЕНЬ ОБСЫПАЕТСЯ ВЕСЬ НАШ БЕДНЫЙ САД...»	217
КОЛОДНИКИ. Рис. В. Панова	—
ИЛЬЯ МУРОМЕЦ. Рис. И. Ильинского	218
КУРГАН. Рис. И. Ильинского	221
Иван Захарович Суриков	225
ДЕТСТВО. Рис. В. Горячева	227
ГОРЕ. Рис. В. Горячева	233
СТЕПЬ. Рис. В. Горячева	236
В НОЧНОМ. Рис. В. Горячева	237
Спиридон Дмитриевич Дрожжин	241
ПРИВЕТ, Рис. Т. Алексеевой	243
ПЕРВАЯ БОРОЗДА	—
В КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬЕ. Рис. Т. Алексеевой	245
ВЕСЕННЕЕ ЦАРСТВО	246
«ТЕНИ ВЕЧЕРА СГУЩАЮТСЯ...»	248
ЛЕТНЯЯ НОЧЬ В ДЕРЕВНЕ	—
«НА УЛИЦЕ СТАЛО БЕЗЛЮДНО...» Рис. Т. Алексеевой	249

Иван Алексеевич Бунин	251
«БУШУЕТ ПОЛАЯ ВОДА...» Рис. Г. Никольского	253
«ДОГОРЕЛ АПРЕЛЬСКИЙ СВЕТЛЫЙ ВЕЧЕР...» Рис. Г. Никольского	254
ДЕТСТВО	255
ЗМЕЯ. Рис. Г. Никольского	256
«ГУСТОЙ ЗЕЛЕНЫЙ ЕЛЬНИК У ДОРОГИ...» Рис. Г. Никольского	257
 Александр Александрович Блок	 259
ВОРОНА. Рис. Г. Никольского	261
ВЕТХАЯ ИЗБУШКА. Рис. В. Ладыгина	262
ЗАЙЧИК. Рис. Г. Никольского	264
УЧИТЕЛЬ	265
 Сергей Александрович Есенин	 267
«ПОЕТ ЗИМА — АУКАЕТ...»	269
ПОРОША. Рис. А. Келейникова	270
БЕРЕЗА. Рис. А. Келейникова	271
С ДОБРЫМ УТРОМ. Рис. А. Келейникова	272
ЧЕРЕМУХА. Рис. А. Келейникова	273
 Валерий Яковлевич Брюсов	 275
КОЛЫБЕЛЬНАЯ. Рис. И. Михайловой	277
ДЕТСКАЯ	278
МЫШИ. Рис. И. Михайловой	279
КАМЕНЩИК	280
ТРУД	—

ИЗДАТЕЛЬСТВО
1934 г.

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

РОДНЫЕ ПОЭТЫ

Сборник

Ответственный редактор *А. В. Ясиновская*

Художественный редактор *В. А. Горячева*

Технический редактор *Э. М. Кузьмина*

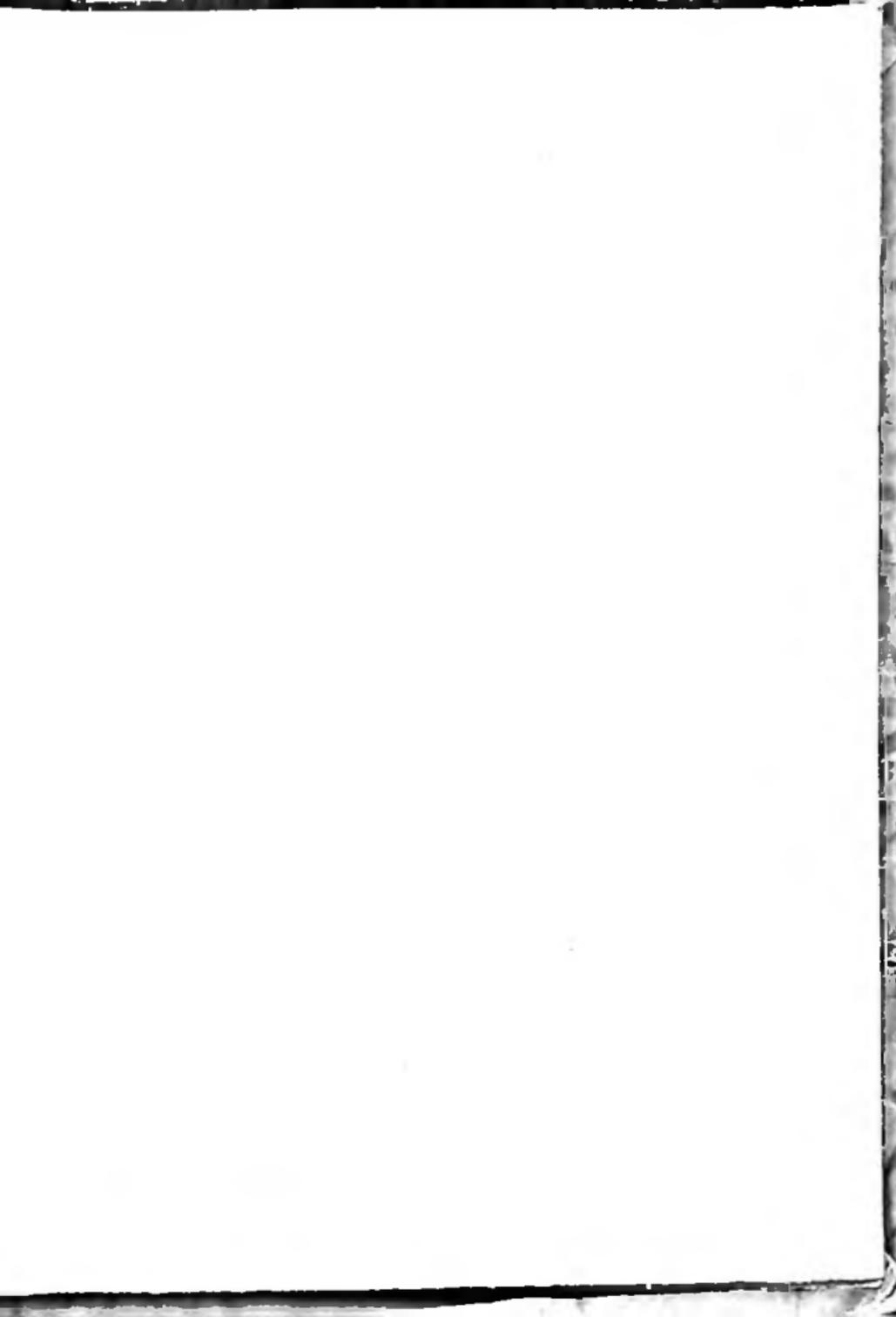
Корректоры *Г. В. Русакова* и *Т. Ф. Юдичева*.

Сдано в набор 10/X 1968 г. Подписано к печати
20/XII 1968 г. Формат 60x84^{1/2}. Печ. л. 18. Усл.
печ. л. 16,79. Уч.-изд. л. 11,45. Тираж 200 000 экз.
ТП 1969 № 151. Цена 52 коп. на бум. № 1.

Издательство «Детская литература», Москва.
М. Черкасский пер., 1.
Ордена Трудового Красного Знамени фабрика
«Детская книга» № 1 Росглаволиграфпрома Ко-
митета по печати при Совете Министров РСФСР.
Москва, Суэвский вл., 49. Заказ № 3249.

БИБЛИОТЕКА ИГПИ

Инв. № 136038

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

РОДНЫЕ ПОЭТЫ

Сборник

Ответственный редактор *А. В. Ясиновская*

Художественный редактор *В. А. Горячева*

Технический редактор *Э. М. Курьмина*

Корректоры *Г. В. Русакова* и *Т. Ф. Юдичева*.

Сдано в набор 10/X 1968 г. Подписано к печати 20/XII 1968 г. Формат 60x81/8. Печ. л. 18. Усл. печ. л. 16,79. Уч.-изд. л. 11,45. Тираж 200 000 экз. ТП 1969 № 151. Цена 52 коп. на бум. № 1.

Издательство «Детская литература», Москва, М. Черкасский пер., 1.

Орден Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглаволиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Суздальский вал, 49. Заказ № 3219.

БИБЛИОТЕКА ИГПИ

Инв. № 136038